Анастасия Сычёва

Корделия

Час перед рассветом

ИДДК

Анастасия Викторовна Сычёва

Час перед рассветом

Серия «Корделия», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22596284
Анастасия Сычёва. Корделия. Книга 1. Час перед рассветом: ИДДК;

Аннотация

Что делать, если тебя предали собственные родные, приговорив к смерти и лишив перед этим титула? Сбежать из дома и под вымышленным именем отправиться в школу боевых искусств! Что делать, если ты стала случайной свидетельницей запрещенного ритуала? Найти и остановить архимага, который их проводит! Но что делать, если ты встречаешься со своим смертельным врагом и ваша вражда внезапно перерастает в нечто большее, чем обычная ненависть?

Содержание

Часть первая 5
Пролог 5
Глава 1 8
Глава 2 23
Глава 3 36
Глава 4 51
Глава 5 64
Глава 6 78
Глава 7 92
Глава 8 105
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Анастасия Сычёва
Корделия. Книга 1.
Час перед рассветом

Возрастные ограничения 16+

© Сычёва Анастасия
© ИДДК

Часть первая
Потерять все

Пролог

Большая комната с каменным полом и высокими стрельчатыми окнами. Одно из них распахнуто, рядом стоит столик с разложенным на нем игровым полем, чем-то похожим на шахматное. Отличие заключается в том, что фигур на доске всего две, и перемещаются они в соответствии с незнакомыми нам правилами. За столом, друг напротив друга, сидят двое, и их положение условно делит комнату на две части. Молодой человек улыбается женщине напротив. У него открытая мальчишеская улыбка до ушей, сияющее лицо, а сам он словно бы излучает тепло. Вот только синие глаза не вяжутся с его обликом – в них слишком много мудрости для столь юношеского возраста. В той половине комнаты, которую он занимает, будто царит лето – прямо по стенам вьется дикий виноград, воздух здесь теплее, и эта часть помещения кажется освещенной солнцем.

Женщина выглядит полной противоположностью своему визави. Она взрослее, угрюмее, в ее облике нет и капли той жизнерадостности, которая исходит от ее партнера. Наобо-

рот, вокруг нее будто сгустилась тьма. Виноград за ее спиной засох, так что на стенах повисли черные мертвые плети, а солнечные лучи не попадают в комнату. Их родство выдавали лишь выразительные глаза. Нет, не цветом, они у нее были черные. Как и юноша, женщина выглядит значительно старше из-за по-настоящему старых глаз.

Некоторое время странная пара наблюдала за фигурами на доске, которые двигались сами по себе, без участия игроков. Когда они наконец-то остановились, оба некоторое время еще задумчиво смотрели на них, а потом юноша вдруг рассмеялся и весело сказал:

– Поздравляю, сестра! Ты победила!

Женщина безразлично кивнула, на ее лице не отразилось никаких эмоций. Молодого человека, привычного к ее хладнокровию, это не смутило, и он так же весело объявил:

– Я теперь должен тебе желание. Чего бы ты хотела?

Его собеседница впервые за все время подняла голову и устремила на него взгляд бездонных черных глаз, в которых не было ни капли тепла, а одно только невозмутимое спокойствие. Но юношу это не удивило, и он продолжал доброжелательно смотреть на нее. После продолжительного молчания женщина наконец сказала:

– В данный момент – ничего. Но, вероятнее всего, потом я напомню тебе об этом.

Он не удивился и не стал спорить, а лишь кивнул:

– Подойдет! Даю тебе свое слово, Хель, исполнить любую

твою просьбу, когда ты попросишь о чем-то.

Воздух в комнате заискрился, когда бог света дал обещание, и Хель удовлетворенно кивнула. Слово бога нерушимо, Луг теперь будет обязан сдержать его в любом случае. Она пока не знала, какое ее желание мог бы исполнить брат, и не знала, когда ей могло бы что-нибудь от него понадобиться. Но боги живут очень долго, и наверняка когда-нибудь еще возникнет ситуация, и ей будет нужна помощь брата. Боги достаточно неохотно помогают друг другу, а слово Луга гарантирует, что он окажет услугу по ее первому требованию. Хель поднялась, собираясь уходить, а ее брат удивленно спросил:

– Ты куда? Может, еще партию?

Хель отрицательно качнула головой:

– Нет, брат. Я должна встретиться с Вер. Думаю, ей есть что мне сказать.

Луг лишь сокрушенно развел руками. Он не слишком понимал, какие дела могли быть у богини смерти с богиней-провидицей, но говорить ничего не стал. Не сказав больше ничего, сестра покинула комнату. Ее длинный черный плащ тихо прошелестел по полу. С уходом Хель лето охватило всю комнату, и даже мертвые растения вновь зазеленели от энергии, которая исходила от Луга. Бог света лишь махнул рукой, развеивая и фигуры на доске, и саму доску, а затем пропал из комнаты.

Глава 1

Ормонд встретил наш отряд проливным дождем. Последние несколько дней мы провели в лесу, где раскидистые кроны елей и лиственниц защищали нас от холодных струй, хотя общая влажность и сырость настроения не улучшали. Оставшиеся до города пятьдесят метров мы преодолевали по открытой местности и успели вымокнуть практически насквозь. Под копытами лошадей влажно чавкала грязь, низко надвинутые капюшоны сводили видимость практически к нулю. Впрочем, мне было легче, чем остальным: я использовала на своей одежде несложное магическое плетение водонепроницаемости, и дождь почти не причинял мне неудобств. Но были и минусы – именно потому, что холод и влага не отвлекали, всю дорогу мной владели мысли о том, что предстояло сделать, и от них было не отделаться. Осознание того, что на меня внезапно легла ответственность за целую страну, невероятно тяжелым грузом давило на плечи. Мне было страшно, как я ни пыталась бороться с этим чувством. Слишком многое сейчас зависело не от меня самой, а от моей удачи, и на карту была поставлена судьба целого государства. И я продолжала бесконечно прокручивать в уме возможные варианты развития событий, переходя к все более и более невероятным, так что почти не обращала внимания на дорогу.

Как было запланировано, мы подъехали к задним воротам города. Они были заперты, и еще полчаса мы простояли перед ними – усталые нервные стражники сначала приняли нас за вампирских шпионов и угрожали расстрелять с крепостных стен, затем у маршала Оффали лопнуло терпение, он выехал вперед и громоподобным, хорошо узнаваемым голосом потребовал начальство. За воротами произошел некоторый переполох, и кто-то побежал докладывать о нашем прибытии коменданту крепости Линнару. Мы терпеливо ждали – комендант был человеком доверенным, и ему было известно о нашем плане и о нашем приезде. Наконец явился Линнар, выглянул в окошко, опознал маршала, и нас наконец-то впустили. С ходу он сообщил, где находится его дом, и наш отряд в двадцать всадников помчался по мощенной булыжником улице. Она была почти совсем пустой – дождь разогнал всех местных по домам. А ведь сейчас стояла не осень, а самое начало лета!

Ормонд был даже не совсем городом, а скорее большой крепостью. Мы очень быстро добрались до центральной площади и подъехали к ратуше. Спешились, несколько человек из наших отправились узнавать о размещении на постой и конюшне. Кто-то забрал у меня поводья. Маршал Оффали прошел прямиком в дом, за ним следовали я и еще трое, которые были посвящены в мою задумку, здесь же нас нагнал Линнар. На первом этаже, как в любой канцелярии, толпились люди, а на втором этаже располагалась квартира ко-

менданта, куда мы и направились. Линнар толкнул одну из дверей и пропустил маршала вперед, сам он зашел следующим, сразу за ним – я, и только потом оставшаяся часть нашей процессии. Там оказался кабинет с горящим камином, при виде которого я блаженно прикрыла глаза. Впрочем, это не помешало мне первым делом накинуть на комнату полог тишины, чтобы нас никто не мог подслушать. Моим спутникам статус не позволил с порога броситься к огню, но они все постарались расположиться поближе к камину, так что там образовалось небольшое столпотворение. Линнар закрыл дверь, вытянулся в струнку перед маршалом и отрекомендовался:

– Капитан Линнар, комендант Ормонда, господин маршал!

Тот кивнул. Я быстро осмотрела капитана, составляя о нем впечатление. Невысокого роста, но крепкий дядька. Может, у него в роду были гномы? Немолод, уже далеко за пятьдесят, но чувствуется, что у него есть хватка. Форма старая, потрепанная, но не позорит звание офицера. Семьи наверняка нет, раз он предпочитает жить там же, где работает. Выбрит, но зато на лице красовались шикарные усы. Много морщин и мелких шрамов – этот человек не раз бывал в бою. Смотрит пытливо, прямо в глаза. В общем, он был похож на нашего маршала. На Оффали он смотрел с оттенком надежды, что было понятно – имя маршала Ардауэна Оффали было известно не только во всей Валенсии, но и далеко за

ее пределами. Знаменитый полководец, не знающий поражений… Если уж и он не сможет ничего сделать в создавшейся ситуации, то нас уже ничто не спасет. Но нам придется разочаровать Линнара сразу.

Интересно, почему же этот человек удовлетворился службой в крепости и званием капитана, а не пошел дальше? В целом он был мне симпатичен. Кажется, мы были правы, когда посчитали, что ему можно доверить мой замысел.

Маршал заговорил практически сразу же, как я додумала эту мысль. Должно быть, тоже делал какие-то выводы в уме относительно этого капитана.

– Как ни прискорбно это говорить, но я здесь лишь для отвода глаз. – Маршал угрюмо усмехнулся, а на его лбу прорезалась вертикальная складка. – Все приказания через меня будет передавать мой… адъютант, – после запинки кивнул на меня Оффали. – Их выполнять беспрекословно.

На лице Линнара отразилась легкая растерянность, и он недоуменно посмотрел на меня.

– В-ваше высочество? – заикнувшись, уточнил он.

– Добрый вечер, – поздоровалась я. Всю неделю, пока мы добирались сюда, я говорила измененным голосом, чтобы меня никто не узнал, а сейчас убрала эту мальчишескую звонкость, и голос снова стал женским. Линнар вздрогнул – слишком велика была разница между тем, что он видел, и тем, что он слышал, – но быстро взял себя в руки. Его лицо стало сосредоточенным, и всем своим видом капитан вы-

разил готовность слушать меня. Я отметила его выдержку – здесь война, враг расположился буквально под городскими стенами, Ормонд осажден, а ему приказали подчиняться девице, которая в войне ничего не смыслит! Тот факт, что девица – дочка короля и провела всю жизнь во дворце, только подливал масла в огонь. На самом деле все обстояло не совсем так, но Линнар вполне мог этого не знать.

– Опишите ситуацию в общих словах, – велела я.

Капитан на секунду задумался и начал докладывать сухо и по существу:

– Ленстер захвачен. Мы пока держимся. Вампиры пытались штурмовать, но мы дали им отпор. Их не очень много, но мы по понятным причинам не хотим устраивать открытое сражение.

Я покивала, понимая, что он имеет в виду.

– Теперь хотят взять нас измором. Съестные припасы пока есть, но надолго их не хватит. Если ситуация не изменится, нам придется открыть ворота.

Примерно то же самое он уже излагал неделю назад. У комендантов крупных крепостей и городов имелись амулеты для связи со столицей, и Ормонд не был исключением. Но меня интересовало сейчас совсем другое.

– Виктор здесь? – Спрашивая это, я чувствовала, как у меня дрожат руки. Вот тебе и Железная Принцесса…

Линнар кивнул.

– Пару дней назад мы видели его с городских стен. Он

прибыл с отрядом вампиров и долго рыскал в окрестностях. Возможно, выполнял поручение Дориана.

Я удовлетворенно улыбнулась, стараясь скрыть напряжение. Виктор здесь, это главное, остальное – дело техники. То, что здесь окажется Дориан, было вполне предсказуемо – где еще может быть командующий армией Вереантера, как не в области боевых действий? – и проблемы в его присутствии я не видела.

Поразмышляв некоторое время, я подытожила:

– Значит, так. В ближайшее время и Ормонд, и Ленстер должны узнать, что сюда прибыл маршал Оффали. Вам, маршал, стоит показаться на городских стенах, чтобы вампиры наверняка вас заметили и доложили Дориану. Обо мне – ни слова. О том, кто я на самом деле, должны знать только присутствующие в этой комнате. Для всех остальных я – адъютант господина маршала. Когда через несколько дней я уйду из крепости и не вернусь, никаких действий не предпринимать. На какой срок у вас хватит продуктов, капитан?

– На месяц-полтора, – отрапортовал тот.

– Я постараюсь управиться за этот период.

Я поднялась, намереваясь идти к двери. Беседу я посчитала оконченной, но меня остановил голос капитана, в котором прорезались нотки отчаяния:

– Ваше высочество, вы действительно сможете все это остановить?

Ответ на этот вопрос был мне неизвестен. Помолчав, я

ответила:

– В случае неудачи я погибну. Поэтому могу только сказать, что приложу все усилия, чтобы осуществить задуманное.

И, не глядя ни на кого, вышла из кабинета. За последний месяц слишком многое произошло, и держать лицо перед другими людьми с каждым днем становилось все сложнее и сложнее. Конечно, на меня наложена иллюзия, но мою настоящую мимику она не маскирует. А мне как никогда в жизни надо было показать окружающим, что я держу ситуацию под контролем. И я не позволю никому и ничему сломить меня. Им не удалось сделать это за все эти годы, и никакие вампиры не смогут!

Меня поселили по соседству с маршалом. Адъютант всегда должен быть под рукой, а правила приличия были последним, что меня сейчас беспокоило. Комнатка оказалась маленькой, в ней с трудом разместили кровать, стол у окна и стул. Но я и не собиралась задерживаться здесь надолго. Кто-то уже принес сюда мои пожитки – дорожную сумку, в которую я собрала только самые необходимые вещи вроде сменного белья, запасного адъютантского мундира и кое-каких лекарственных трав и эликсиров. В ней еще лежало маленькое зеркало, которое я достала и внимательно осмотрела себя. Иллюзия сохранялась замечательно – с плоской поверхности на меня смотрел молодой румяный офицерик с

открытым, почти детским лицом. Эту иллюзию мы создали вдвоем с нашим придворным магом Мариусом, убив на нее несколько часов. Мой голос никак не мог звучать по-мужски, и мне удалось только сделать его по-мальчишечьи звонким. Поэтому Мариус рассудил, что и внешность должна быть соответствующая – юный адъютант вполне подойдет. Именно поэтому Линнар так растерялся в первый момент – перед ним совершенно определенно стоял парень, но говорил женским голосом.

Впрочем, сильного мага обычная иллюзия могла и не обмануть, поэтому мы с Мариусом перестраховались и создали мне еще один облик. Несколько дней я экспериментировала с плетениями, и в итоге мне удалось изменить свою внешность. Так что если я попадусь на глаза Дориану – а скорее всего, так все и будет, поскольку я изображаю адъютанта не кого-нибудь, а самого маршала Оффали – и он снимет с меня маскировку, то увидит перед собой остроносую девушку с жидкими волосами и россыпью веснушек на лице. Нельзя допустить, чтобы вампиры поняли, кто я такая, иначе мне точно не поздоровится, но меня утешала мысль – сообразить, что и это не мой настоящий облик, будет непросто. Ведь изменившие цвет и поредевшие волосы не были париком, они действительно стали именно такими. Как и испортившаяся посмуглевшая кожа, и сильно посветлевшие глаза. Когда я вернусь, то использую обратное плетение и верну себе свое настоящее лицо. Но это был страховочный вари-

ант, на самом деле я не думала, что личину адъютанта кто-то раскусит. Все-таки Мариус – архимаг, пусть и не в самых лучших отношениях со светлым Советом магов, так что его творение было вполне надежным.

Отложив зеркало, я похлопала себя по нагрудному карману – проверила, на месте ли самый важный предмет моего снаряжения. Небольшой камешек на веревочке с вырезанными на нем символами по-прежнему был при мне. На самом деле это был небольшой портал, который активировался специальным плетением. На его создание у нас с Мариусом ушло огромное количество сил и времени, поскольку порталы – штука невероятно энергозатратная, и даже архимаг не создаст больше одного за один раз. Мариус сразу предупредил меня, что портал обладает собственным ярким магическим фоном, и поэтому любой маг может запросто его обнаружить. Чтобы избежать в дальнейшем разоблачения, я использовала на нем особое заклинание, которое целиком скрыло его фон. Мариус об этом ничего не знал, поскольку в противном случае у него возник бы вопрос, а откуда мне такое плетение известно. А это было тайной, которой я ни с кем не могла поделиться.

Я подошла к окну и прижалась к нему лбом. Снаружи по-прежнему лил дождь, и стекло приятно холодило разгоряченную кожу. На Ормонд опускались сумерки. Мое окно выходило во двор, и предметы превращались в расплывчатые силуэты. Интересно, как бы на моем месте чувствовали себя

мои сестры? Любая из них. Даже не говоря уже о моей миссии. Как бы они ощущали себя в подобном месте – на окраине нашего королевства, в крохотной комнатушке, без роскошной мебели, нарядов и свиты служанок? Конечно, быстро поправила я саму себя, ни одна из них в подобной ситуации и не очутилась бы. И Фредерика и Надя сейчас находились в безопасности – в Бларни вместе с леди Алиной. А отец со Стефаном остаются в Дионе и оттуда следят за положением дел. Интересно, что они все думают сейчас обо мне? Гордятся ли они мной? Беспокоятся ли за меня?

Да нет, вряд ли. Отец еще, может быть, а остальные точно нет. Им все равно. Им всегда было все равно.

Я потрясла головой, отгоняя прочь эти мысли. Нет смысла в очередной раз все это обдумывать. Я должна сосредоточиться на деле, чтобы выполнить свою миссию и сохранить мой привычный мир. Возможно, если у меня все получится и Валенсия будет спасена, они наконец-то увидят во мне человека?

Я усмехнулась. Надо же как – «Валенсия будет спасена»! Как же так получилось? Где мы так сильно просчитались, что оказались втянуты в эту тюрову войну?

Грубо говоря, причина раздора между Валенсией и Вереантером определилась уже давно – это было месторождение адамантия в горах на севере нашей страны. Адамантий – очень редкий и очень ценный металл, и любые, даже самые небольшие рудники были способны неплохо поддержи-

вать государственную казну. Ценен он тем, что невероятно прочен и хорош как для изготовления доспехов, так и оружия. Маги же обожают делать из него амулеты и ритуальные предметы, и даже портал, который теперь висел у меня на шее, был запечатан именно в адамантий. По иронии судьбы магов в Валенсии мало, и мы продаем адамантий соседям – больше всего Аркадии, в которой расположено несколько магических школ и академий. А в Вереантере четыре десятка лет назад решили, что способны распорядиться этим сырьем гораздо лучше нас. Проблема заключалась в том, что лет сто с лишним назад эта горная область – Кэллахил – действительно принадлежала Вереантеру, но отошла к нам в ходе очень долгой и кровопролитной войны. К слову сказать, в той войне Валенсия не участвовала вовсе, это была резня между вампирами и эльфами – между Вереантером и Селендрией. Плохо пришлось тогда обеим сторонам, и оба государства слегка уменьшились в размерах. Под шумок Кэллахил отошел к нам, и уже валенсийцы открыли там залежи адамантия, которым мы благополучно торговали последние лет пятьдесят. А семьдесят лет назад в Вереантере к власти пришел новый правитель, который решил вернуть их исконные владения. С тех пор мы с Вереантером находились в состоянии вооруженного нейтралитета. Ощущение было такое, будто живешь на бочке пороха и не хватает лишь искры, чтобы прогремел взрыв.

Взрыв прогремел два месяца назад, когда в Дионе был

убит посол Вереантера. История была грязная, неприятная, и главное, я так и не поняла, было ли это провокацией, или же смерть посла действительно произошла по нашей вине? Похоже на провокацию, я не спорю, но в таком случае возникает вопрос: зачем вампирам надо было ждать столько лет? Готовиться так долго к войне с нами они не могли. После той давней войны страна действительно была в упадке, но с тех пор, как королем стал Адриан Вереантерский, все изменилось. Новый повелитель оказался жестким, умным, проницательным и невероятно дальновидным. Всего за несколько десятков лет он поднял экономику и превратил Вереантер в сильнейшее военное государство, с которым связываться – себе дороже. Всем известно, что с вампирами воевать нельзя, по крайней мере, людям и гномам. Эльфам еще можно, у них военная подготовка неслабая, но у людей против нежити нет шансов. Дело не только в том, что вампиры менее уязвимы и быстро исцеляются, это еще полбеды. Но высшие вампиры, не говоря уже об архивампирах, обладают огромными способностями к некромантии и в силах воскрешать мертвых. Причем архивампир может оживить тысячу мертвецов за один прием, и все они будут послушными его воле. Не важно, кем они были при жизни – своими, чужими, после поднятия из мертвых они подчиняются лишь воскресившему их вампиру. Поэтому с вампирами очень трудно воевать – если в сражении участвуют несколько высших или хотя бы один архивампир, то это заведомо проигранная битва. Ваши

же собственные убитые воины восстанут в виде нежити и будут бить вас в спину.

К счастью, архивампиров в мире практически не осталось. Изначально их было чуть меньше двадцати, сейчас наберется едва ли больше пяти. Не знаю, с чем связано такое вырождение. Знаю лишь, что архивампиром стать нельзя, им можно только родиться. Правда, и этих пяти миру более чем достаточно: архивампиры – сильнейшие маги и воины. Они неуязвимы, невероятно сильны и практически бессмертны. А еще им подчиняются остальные вампиры. Все архивампиры – державные правители, и нам повезло, что на нашем материке государство вампиров всего одно.

Легко можно догадаться, что Адриан Вереантерский, о котором я уже упоминала, как раз является архивампиром и одним из самых опасных существ в этом мире. И он пожелал вернуть себе Кэллахил. Поэтому я смело могу сказать, что наши дела плохи, как никогда раньше.

Полагаю, знаменитый маг-вампир Виктор прибыл сюда исключительно для того, чтобы поднимать мертвецов. Именно поэтому в Ормонде капитан Линнар предпочитает избегать настоящих боев – у Валенсии нет шансов одержать здесь победу. А когда вампиры возьмут ормондцев измором, они пойдут дальше, и ситуация повторится снова. В подобном столкновении сил мы заведомо слабее. Победить в этой войне можно только хитростью. Именно это я и собиралась сделать.

Есть такая особенность – почти все маги являются изобретателями, и многие заклинания и плетения, которые они используют, созданы ими самими. У меня тоже есть несколько заклятий, которые я придумала сама. Виктор не является исключением, и даже более того – он очень талантливый изобретатель. Откуда-то Мариусу стало известно, что знаменитый маг-вампир проводил эксперименты в области некромантии и создал заклинание, обращающее поднятого тобой живого мертвеца против тебя же. Формулу плетения Виктор вывел совершенно случайно, но она оказалась бесценна! Мысль понятна? Если вампиры поднимут армию нежити, можно было бы использовать это плетение, и тогда мертвяки покромсают самих вампиров. Формула плетения стала моей целью, и я собралась в Ормонд, как только узнала, что Ленстер был захвачен, и там видели Виктора.

Но как получить эту формулу? Маги записывают свои изобретенные заклинания в специальные гримуары и никогда с ними не расстаются. Это не какое-то правило, просто маги – люди очень увлеченные, и им важно, чтобы их наработки и исследования всегда были под рукой. Но как достать гримуар из захваченной врагом крепости? Я долго думала, и наконец мне в голову пришла идея пойти на эту авантюру.

Все просто – надо попасть в плен.

И, уже находясь в стане врага, надо понять, как до этого гримуара добраться, забрать с собой и вернуться обратно. Для обычного человека подобная задача могла стать невы-

полнимой, и именно поэтому лучшего претендента на роль спасителя Валенсии, чем я, не нашлось. Я – маг, причем гораздо более сильный, чем известно Мариусу. Используя свои знания в области магии, я смогу получить желаемое. Мариус не мог этим заняться, поскольку он наш придворный маг и обязан находиться при короле. А других магов во всем государстве не сыскать. То есть, наверное, одаренные люди есть, но их мало, и у нас совершенно нет магических школ. Сам Мариус родом из Аркадии. Я – его ученица и, возможно, в будущем эта должность достанется мне. Иметь на постоянной службе мага недешево обходится казне любого государства, а архимага – и того больше, но нам повезло. В свое время у Мариуса были какие-то серьезные разногласия со светлым Советом магов, с тех пор он скрывается от них в Валенсии и спокойно занимается своими исследованиями, а параллельно выполняет какие-то отцовские поручения и обучает меня. И сейчас я должна показать, на что способна, и добыть этот гримуар. Мы не знали, что вампиры сделают с нами, если победят в этой войне. Но в том, что нас не ждет ничего хорошего, сомнений не было ни у отца, ни у Мариуса, ни у меня.

Глава 2

– Корделия, выпрями спину! Ты похожа на сгорбленную клячу!

От резкого окрика я вздрагиваю, торопливо распрямляюсь и сажусь так, словно кол проглотила. Из последних сил стараюсь не втягивать голову в плечи и достойно встретить холодный взгляд мачехи. Но леди Алина, кажется, остается довольна увиденным, потому что молча проходит мимо меня, величественно кивает фрейлине, оставленной следить за нами, и покидает классную комнату. Ее нарядное платье со шлейфом тихо шелестит по коридору. Я провожаю ее с тоской в душе, потому что знаю – сейчас начнется самое неприятное.

– Сгорбленная кляча! Мама сказала, что ты – сгорбленная кляча! – наперебой шепчут Надя и Фредерика, опасаясь говорить громко, чтобы не вызвать гнев фрейлины, и давятся смехом. – Кляча! Кляча!

Отвечать нельзя. Если я как-нибудь обзову их в ответ, они немедленно нажалуются леди Алине, и тогда жди беды. Мачеха превратит мою жизнь в ад на неделю точно, если не больше, и ей никто не помешает. Поэтому я крепко стискиваю зубы, зажмуриваюсь, чтобы взять себя в руки, и молча возвращаюсь к свитку с упражнениями по всеобщему языку. Сестры некоторое время еще продолжают веселиться, но,

видя, что я не отвечаю, постепенно успокаиваются. Мне пришлось проглотить очередную обиду, но зато я избежала порции оскорблений и насмешек со стороны леди Алины.

С тех пор прошло одиннадцать лет. Почему-то именно это воспоминание сохранилось очень отчетливо, хотя подобных ситуаций в моей жизни были десятки, но эта «кляча» преследует меня до сих пор.

Тем не менее я не могу сказать, что мачеха всегда ругала только меня. Нет, доставалось, конечно, нам всем троим, и даже иногда Стефану. Леди Алина всегда была очень щепетильна во всем, что касалось правил поведения и чести нашей семьи. Когда кто-то из нас троих – Фредерики, Нади и меня – «выбивался» из образа принцессы Валенсии, наша королева немедленно обращала на это внимание, и часто в довольно резкой форме. Но все же сохранялась какая-то разница между тем, как она отчитывала девочек, и тем, что говорила мне. Почему-то меня всегда пыталась унизить, заставить почувствовать себя совершенным ничтожеством. Хотя она никогда не поднимала на меня руку, но в своих оскорблениях была очень избирательна – королева не может позволить себе ругаться, словно рыночная торговка – однако от этого ее слова не становились менее обидными. Я научилась терпеть это и никак не отвечать. Да и кто мог бы заступиться за двенадцатилетнего ребенка? Отцу точно не могло быть до этого дела, а моего сводного брата – наследного принца – мои проблемы нисколько не интересовали.

Я всегда точно знала, что леди Алина меня не любит. Долгое время я росла в уверенности, что просто нисколько ее не интересую. Ее можно было понять – мы не были родственниками, и она имела полное право не питать ко мне теплых чувств. Вдобавок, когда я была маленькой, мое положение во дворце было не слишком прочным. Дело в том, что мой отец никогда не был женат на моей матери. Мне плохо известны подробности их отношений – леди Алина объявила эту тему запретной. Я знала эту историю только в общих чертах. Моя мать была очень знатного происхождения и двадцать четыре года назад жила при дворе. Мой отец – тогда еще не король, а только принц – без памяти влюбился в нее, и она поначалу отвечала ему взаимностью. Не знаю, чем ей в итоге не угодил наследный принц, но через какое-то время мать покинула Дион. А еще через десять месяцев, когда отец уже стал королем Дарием II, в дворцовые ворота постучала бывшая горничная моей матери. На руках она держала девочку, которой от роду исполнился всего месяц. Когда первый шок у отца прошел, он посмотрел на младенца повнимательнее, видимо, сделал какие-то выводы и признал меня. Вроде бы потому, что я очень похожа внешне на свою мать. Точно сказать не могу, поскольку никогда ее не видела. Та женщина, которая меня принесла, осталась со мной в качестве няньки, и с тех пор Агата была единственным человеком во всем дворце, которому я действительно была нужна. Когда я подросла, пыталась расспрашивать ее о матери, но та либо

отшучивалась, либо отмалчивалась, и со временем все мои попытки узнать что-либо о родительнице прекратились. Я быстро смирилась с тем, что матери у меня нет, хотя до сих пор не могу простить ей то, что она от меня отказалась.

Отец женился на леди Алине, когда мне было полтора года. Она была первой красавицей двора и давно стремилась к этому браку. С самого начала ей не нравилось мое постоянное присутствие во дворце, и, по рассказам Агаты, она пыталась склонить короля к мысли, что внебрачному ребенку, пусть и королевскому, в Дионе делать нечего. Кажется, она предлагала отправить меня в одну из дальних валенсийских провинций в монастырь богини Эйр. Отец был склонен прислушиваться к ее мнению, и я была невероятно близка к тому, чтобы покинуть столицу раз и навсегда.

Меня спасла магия. Та самая магия, которая так редко встречается в Валенсии.

У меня очень рано обнаружился магический дар. Архимаг Мариус, проверив мои способности, поведал ошарашенному королю, что его дочь в будущем может стать очень сильной магичкой. Он, Мариус, лично возьмется обучать меня, поскольку глупо оставлять такой мощный потенциал нераскрытым.

Это все решило. У нас в стране очень мало людей, владеющих тайнами магии, а сильным магом можно было назвать только одного Мариуса, и с тех пор мое положение изменилось. Никто больше не смел ставить под сомнение мой титул,

хотя шепотки за спиной преследовали меня постоянно. За последующие годы у меня появились единокровные по отцу брат и две сестры, но отношение королевы ко мне не изменилось. Леди Алине пришлось смириться с моим присутствием, но она не упускала случая чем-нибудь уколоть свою падчерицу. С отцом я общалась мало, и близких людей у меня было всего двое – няня Агата и учитель Мариус. Я оказалась способной, трудолюбивой ученицей, и, будь моя воля, вообще не покидала бы лабораторию архимага. Там не было ни насмехающейся мачехи, ни дразнящих меня сестер, и только там я ощущала себя человеком. Благодаря своему магическому дару и упрямству, с которым его развивала, я чувствовала себя ничем не хуже их.

В очередной раз ситуация изменилась, когда мне было тринадцать лет. Я хорошо помню тот день – мы с сестрами сидели в комнате и вышивали, вместе с нами находилась леди Алина со своими фрейлинами. Маделин, старшая фрейлина, сравнила мою работу с работой Нади и стала громко расхваливать сводную сестру. Остальные с удовольствием слушали, леди Алина никогда не препятствовала таким сценам. И именно тогда мое терпение впервые лопнуло. Нет, я не закричала и, как мне казалось, не сделала вообще ничего. Но внезапно вышивка в руках Нади вспыхнула ослепительным белым пламенем, заставив всех присутствующих вскрикнуть и вскочить на ноги. Надя выронила пяльцы из рук, но на пол опустилось лишь несколько хлопьев пепла. За

секунду «Гнев Донера» – так назвали этот вид огня за невероятную способность к разрушению – уничтожил работу, над которой Надя трудилась больше месяца. Едва вышивка догорела, пламя исчезло так же внезапно, как и появилось. На несколько долгих секунд в комнате повисла гнетущая тишина. Никто не смел даже пошевелиться, ожидая реакции королевы. Признаться, она меня удивила. Не смея поднять глаз, я была готова к гневным крикам и неминуемому наказанию, но вместо этого леди Алина тихо спросила:

– Зачем ты это сделала?

– Случайно, – выдавила я из себя, понимая, что она все равно мне не поверит. – Я не хотела этого.

Она молчала. Тогда я осторожно подняла голову. Мачеха смотрела на меня с непонятным выражением на лице, так, будто впервые увидела. В ее глазах, кроме растерянности, было еще что-то, и я довольно быстро догадалась что.

Страх.

Оглядевшись, я поняла, что точно так же на меня смотрели все присутствующие – и фрейлины, и Фредерика, и Надя, которая при этом едва сдерживала слезы. Я не знала, что с ними происходит, но отчетливо осознала, что наказывать меня сегодня не будут, и выбежала из комнаты.

Потом Мариус объяснил мне, в чем дело. Обычные люди всегда боялись магов и предпочитали не связываться с ними, поскольку маг может наслать на человека множество проклятий. Маги – совершенно обособленное сословие, которое по

могуществу можно сравнить с королями. Даже выше – ни один король не позволит себе неуважительно говорить с магом. Маги, даже слабые, намного превосходят в возможностях простых людей, и, если человек рискнул вызвать неудовольствие мага, ему может очень сильно не поздоровиться. В тот день леди Алина впервые осознала, что ее падчерица, которой она не давала житья ни минуты, тоже маг, причем сильный. И этот самый маг может оказаться злопамятным и однажды отыграться за все свои детские обиды.

С тех пор моя жизнь круто переменилась. О случившемся доложили отцу, он с Мариусом посовещался и решил, что меня стоит приобщить к государственной деятельности. Если я и в самом деле в будущем могу стать сильным магом, то надо заранее подготовить меня к тому, что однажды я сменю Мариуса на его посту придворного мага. Так что больше я не проводила свои дни, вышивая или музицируя на разных музыкальных инструментах. У меня практически не осталось времени на чтение или прогулки по дворцовому парку. Отныне моим обучением занялись вплотную и готовили так, будто я была наследницей трона. Теперь многие занятия у нас со Стефаном были совместными – языки других народов, история, дипломатия, гербология… Вдобавок продолжались мои уроки магии, и свободного времени практически не было. Я почти не видела ни леди Алину, ни сестер. А когда видела, они все держались со мной подчеркнуто вежливо. Не было больше насмешек и издевательств, было только

холодное молчание, но поначалу меня радовало и оно. Жить сразу стало намного проще.

Проще – да. Легче – ни капельки.

Уже повзрослев, я поняла, что леди Алина вовсе не была ко мне равнодушна. Нет, по какой-то причине она по-настоящему терпеть меня не могла, и до случая с вышивкой не пыталась скрывать истинного чувства. Но теперь она его не демонстрировала. Она вообще вела себя так, будто меня не существует. Изредка леди Алина делала мне замечания по поводу моего внешнего вида, когда я была одета не так, как подобает принцессе, или по поводу моей осанки, или манер… Но на этом все, другие темы со мной она больше не затрагивала.

Не знаю, что именно так раздражало ее во мне. В детстве я всегда старалась выполнять все требования и делать так, чтобы она была довольна. Пыталась соответствовать ее представлению о том, какой должна быть настоящая принцесса – кстати, представление об этом у нее было правильное. Но у меня ничего не получалось. А ведь они пятеро – отец, мачеха, Стефан и девочки – были настоящей семьей! Отец действительно любил их всех, сыном очень гордился, супругу просто на руках готов был носить… Леди Алина всегда отвечала мужу взаимностью и очень его уважала. Но лично я никогда не вписывалась в их мир, возможно, именно поэтому и окружающие считали меня изгоем. Чем старше я становилась, тем больше это проявлялось, и было заметно во

всем. Даже внешне я очень сильно отличалась от своей семьи. Отец, статный красавец с широким разворотом плеч, до сих пор пользующийся успехом у придворных дам; его жена – невероятно красивая хрупкая женщина, выглядевшая моложе своих лет. Оба блондины, и их дети были невероятно похожи на них – все светловолосые и голубоглазые. Надя и Фредерика, когда подросли, вдруг расцвели, и сейчас были гордостью семьи. Леди Алина очень гордилась ими, а у ног этих обворожительных девушек сейчас были все молодые аристократы, бывавшие при дворе. И рядом с ними я – очень высокая, ростом с отца, худая, с гривой темных кудрявых волос, обрамляющих бледное лицо. Единственное, что мне нравилось в собственной внешности – это темно-зеленые глаза с глубоким оттенком. Только, скажите мне на милость, ну кто эти глаза будет рассматривать? «Жердь» – так меня теперь называли за глаза. Раньше была «кляча», а теперь «жердь». Впрочем, меня награждали и более обидными прозвищами.

Со временем я перестала искать чьего-либо одобрения. Мне стало все равно, что подумают обо мне мачеха, сестры, брат, придворные. Единственными людьми, чьим мнением я дорожила, были учитель и отец. С тех пор как мне исполнилось семнадцать, меня стали допускать на советы отца с министрами, я стала постепенно вникать в дела страны и начала активно в них участвовать. Политика помогла мне ощутить себя нужной, она была делом, требовавшим моего по-

стоянного внимания. Мы сблизились с отцом, он уважал меня и прислушивался к моему мнению. Во внешнюю политику я почти не вмешивалась и предпочитала заниматься внутренней. Много ездила по Валенсии, общалась с самыми разными людьми, решала какие-то вопросы… Постоянная привычка сохранять на лице маску невозмутимости не добавляла мне популярности, и к своим двадцати трем годам я снискала славу холодной расчетливой интриганки и равнодушной стервы. В чем-то это было правдой – опасения мачехи насчет моей злопамятности оказались обоснованными.

Я больше никому ничего не прощала. Ни насмешек, ни ехидных взглядов, ни шепотков за спиной. Когда мне удавалось установить, кто именно сказал что-то нелицеприятное о моей персоне, я мстила быстро и безжалостно, била по самому больному месту. Больше всего мне запомнился случай, когда при дворе обсуждали помолвку герцога Арлинского с дочерью графа Давера. Во дворец за королевским благословением прибыли будущие виновники торжества и мать невесты, графиня Лиона, бывшая фрейлина леди Алины. Лиона была невероятно счастлива из-за помолвки, поскольку не каждой удается выдать свою дочь за герцога. Леди Алина охотно дала свое согласие на этот брак, и все сложилось бы для графини замечательно, если бы она не слишком громко прошептала слово «незаконнорожденная», когда я попалась ей на глаза. Я это услышала и все решила очень быстро. У графини Лионы ушло полгода, чтобы организовать этот

брак, у меня же ушло ровно пятнадцать минут, чтобы его расстроить.

Таких историй было много. Большинство придворных искренне ненавидели меня, но мои жесткие действия принесли свои плоды – больше никто не смел отпускать оскорбления в мой адрес, по крайней мере так, чтобы я это слышала. Почти все эти дворцовые крысы – удивительные трусы, они могут портить жизнь только тем, кто слабее их. А я стала сильной. И они боялись меня.

Когда мне исполнилось восемнадцать, леди Алина начала активно подталкивать отца к мысли, что старшую принцессу было бы неплохо выдать замуж. К подобному предприятию следовало подойти вдумчиво, поскольку я считалась завидной невестой – одаренная магически, да еще принцесса… В общем, мой брак должен был стать очень выгодной сделкой с каким-нибудь государством, где посчитали бы, что лишний маг был бы им весьма полезен. А то, что принцесса не красавица, да и ростом будет повыше многих мужчин, препятствием не было – слишком уж солидным было мое приданое.

На мое счастье, отец никогда не настаивал на моем замужестве. Валенсия в любом случае оставалась в выигрыше – если бы выгодный династический брак не состоялся, я бы осталась в Дионе и стала со временем придворным магом. Так что за шесть лет я была представлена множеству принцев и князей из соседних государств, но никто из них мной не прельстился. Да мне и самой почти никто не нравился. Годам

к двадцати я точно знала, какими качествами должен обладать мой будущий муж, но ни у кого из этих отпрысков правящих семей я не находила того, что мне было нужно. Правда, был там один принц… Он был единственным, при виде кого мое сердце начинало колотиться, а ладони моментально потели. Когда нас представили друг другу, он был очень любезен со мной. Помимо этого, он обладал чувством юмора, был начитан и очень хорош собой. Тогда я и подумала, что за него, пожалуй, я бы и вышла замуж. Но… Наверное, я сама во всем виновата. Принца, кажется, напугал уровень моей образованности и то, как я тонко разбиралась в политике. Возможно, я действительно увлеклась тогда умными рассуждениями, но мне так хотелось произвести на него впечатление! А потом в зал вошла Фредерика, и принц мгновенно забыл обо мне. Я даже помню его лицо в тот момент, когда он увидел мою сестру, – столько в нем было неподдельного восхищения! На меня он смотрел далеко не так восторженно. Когда приличия были соблюдены, он отошел от меня к Фредерике и остаток вечера провел с ней. А я… Я с трудом дождалась конца торжественной части и немедленно ушла с бала. У меня просто не было сил смотреть, как мой принц танцует с Фредерикой и улыбается ей.

Со временем количество претендентов на мою руку значительно сократилось. Мне уже исполнилось двадцать три, и мачеха махнула на меня рукой. Сейчас она была занята устройством судеб своих родных дочерей и, кажется, счита-

ла меня старой девой. Я же не видела смысла в том, чтобы объяснять ей, что я, вообще-то, маг, а маги живут намного дольше обычных людей – обычно три-четыре столетия. А, по словам Мариуса, такая сильная магичка, как я, может запросто прожить больше пятисот лет. Так что я никуда не спешила.

И вот, когда встал вопрос о спасении нашей страны от вампиров, я предложила себя в качестве главного действующего лица. Согласие с моим планом вызывало у меня двойственное чувство – с одной стороны, я была рада, что мне позволили поступать на свое усмотрение, а с другой… Наверное, я была бы счастлива, если бы меня начали отговаривать, заявили, что это слишком опасно, а за меня беспокоятся… Но не было ничего подобного. Были только напутственные слова от Мариуса, что он верит в меня, и просьба отца не ошибиться в своих расчетах.

Но я уже привыкла. И почти не обижаюсь на это.

Честное слово.

Глава 3

Под утро дождь прекратился. Я проснулась рано и первым делом выглянула в окно. На солнце не было и намека, небо было целиком затянуто облаками, но высокими и не такими мрачными, как вчера. Во дворе уже вовсю кипела жизнь – то и дело там появлялись люди, которые то входили в ратушу, то выходили оттуда, причем я видела и военных – их было легко узнать по серой форме – и городских жителей. С площади периодически доносился цокот копыт лошадей по булыжнику. В общем, эта картина выглядела такой спокойной и обыденной, что было трудно поверить, будто Ормонд находился в осажденном положении.

Умывшись, надев мундир и проверив маскировку, я вышла из комнаты, дошла до конца коридора и практически сразу столкнулась с графом ван Ларсом – одним из моих вчерашних спутников. По должности ван Ларс был советником отца по вопросам обороны, а также одним из доверенных лиц. Сюда графа отправили, потому что, во-первых, его появление никого бы не удивило, а во-вторых, он вместе с Оффали должен был отвести вампирам глаза. Маршал, да еще советник короля – а на скромного адъютанта никто и не посмотрит… Я относилась к этому человеку с уважением. Ван Ларс казался мне человеком разумным, к тому же во время нашего путешествия я видела, как спокойно он переносил

тяготы пути – почти неделю верхом, по лесу, без каких-либо удобств, ночлег на голой земле и так далее… Мне самой поначалу приходилось тяжело, но я более или менее втянулась. Граф не позволил себе выразить ни капли неудовольствия. Раз приказал король, значит, надо – и точка.

– Ты что здесь забыл? – резко спросил граф, увидев меня. Я посмотрела на него, вздернув одну бровь, и ван Ларс осознал свою ошибку. Он торопливо поклонился, его лицо залила бледность, но голос звучал твердо, хотя и на пониженных тонах:

– Прошу прощения, ваше высочество. Я не узнал вас.

Я коротко кивнула и спросила:

– Где маршал Оффали?

– Они с капитаном Линнаром обсуждали положение дел и возможное развитие событий в кабинете. Я как раз иду оттуда. – Заметив выражение моего лица, граф быстро добавил: – Кроме нас, там никого не было. Все сохранится в тайне.

– Хорошо. Я хочу сегодня пройтись по городским стенам и своими глазами увидеть, что творится за пределами города. Вы с маршалом мне там понадобитесь.

Ван Ларс снова склонил голову в легком поклоне. Внезапно мне стало любопытно, я сняла «заслон» со своего сознания и прислушалась к эмоциям графа. Среди них преобладали беспокойство и недоверие, но высказать вслух свое несогласие ван Ларс не посмел. Я еще на секунду задержалась возле него, выискивая в его чувствах привычные неприязнь,

презрение или страх – эмоции, которые я обычно вызывала у наших придворных – но ничего не было. Этот человек не верил в успех моего плана, но лично ко мне он не испытывал неприязни. Это было приятным разнообразием, и, вернув на место «заслон», я кивнула графу – не свысока, а уважительно, а затем направилась к лестнице.

На первом этаже обнаружилась кухня. Толстая немолодая повариха, охая и вздыхая из-за моего внешнего вида («Как же тебя, такого молодого, прямо к вампирам потащили!»), навалила мне черпаком из большого котла полную тарелку каши и усадила есть. Конечно, не королевский завтрак, но я набросилась на него с жадностью. Каша была наваристая, в ней даже попадались кусочки мяса. К слову сказать, в еде я была непривередлива и к простой пище привыкла довольно быстро. А после шести дней в лесу, когда питались мы практически всухомятку, такая каша казалась настоящим праздником.

Наконец после завтрака небольшой делегацией мы отправились к главным воротам города. Впереди шли маршал с графом, сразу за ними – капитан Линнар со своим помощником, отвечавшие на вопросы, и замыкала шествие я. Люди, попадавшиеся нам по пути, кланялись маршалу и графу и смотрели на них как на избавителей. Я же вертела головой, стараясь делать это не очень заметно, подмечая всякие мелочи. Правда, ничего интересного мне не попалось, – просто большая крепость или очень маленький, хорошо укреплен-

ный город. Чистый и немноголюдный – то ли людей здесь всегда было мало, то ли просто они предпочитали сидеть дома… Кстати, это бросалось в глаза – дети не играли на улицах, люди не останавливались поболтать друг с другом, а деловито шли по своим делам, сохраняя озабоченные лица.

В картине, открывшейся мне со стен города, не было ничего драматичного. Пустая дорога упиралась в запертые ворота. В отдалении расположился отряд воинов – Линнар пояснил, что это были вампирские дозорные, следившие за дорогой. Если бы отец прислал сюда какое-то подкрепление, вампирам немедленно стало бы об этом известно, и, скорее всего, нас бы разбили, прежде чем мы добрались до задних ворот. За ними вампиры не наблюдали: в этом не было смысла, поскольку с той стороны город был окружен лесом, через который перебросить в Ормонд войско было бы затруднительно. Войско – да, а вот наш отряд вчера совершенно спокойно попал в город. Однако наши двадцать человек – это не двадцать воинов-вампиров, мы едва ли смогли бы как-нибудь повлиять на положение дел.

Ленстер – город чуть побольше Ормонда, и находился он в получасе езды отсюда. Это именно город, а не крепость, и захватить его вампирам было не очень сложно. Теперь он превратился в вампирской штаб – именно там сейчас расположился Дориан с армией и Виктором. Интересно, что произошло с местными жителями как Ленстера, так и других городов, в которые уже успели войти вампиры? Надеюсь, их

оставили людьми и не стали обращать. Вряд ли Дориану прямо сейчас нужна толпа низших вампиров, правда? У него и своих пока достаточно…

Из мрачных мыслей меня вывел зычный голос маршала Оффали, который устроил разнос дозорным на крепостной стене. Я подозревала, что этот поток ругани был показательным выступлением для вампиров, видневшихся вдалеке. Они обладают гораздо более острым зрением и слухом, чем люди, и сердитая отповедь маршала не могла пройти незамеченной. Назначив наказание провинившимся солдатам, Оффали плавно перешел к отчитыванию самого Линнара. Тот стоял, виновато опустив глаза, но я слышала его эмоции – в них преобладало спокойствие. Значит, это точно было спланировано заранее. Я перевела взгляд на дорогу за воротами и посмотрела вдаль. Мне показалось, или группа вампиров находилась теперь ближе к нам, чем пятнадцать минут назад?

Так прошло несколько дней. Я привыкла вставать ни свет ни заря, привыкла к жесткому матрасу, к простой пище, которой к тому же было мало – экономили городские запасы. Уже весь ормондский гарнизон я знала в лицо, со многими офицерами была знакома лично. Неожиданно поймала себя на том, что совершенно не скучаю по дому. Да, мне не хватало моей комнаты с амулетами, которые изобрела я сама, недоставало библиотеки и моего парка, больше похожего на

небольшой лес, но я нисколько не грустила ни по кому из домашних. Ни мачеха, ни сестры, ни брат, ни даже отец – я не тосковала ни по одному из них. Вдобавок здесь, в Ормонде, люди не носили масок, от которых я так устала во дворце. Местные не скрывали своих настоящих эмоций и почти всегда были искренны, и благодаря этому я чувствовала себя здесь комфортно.

За это время маршал успел обегать весь Ормонд вдоль и поперек, я не отставала от него. Время от времени он давал мне какие-то мелкие поручения, с которыми я точно так же носилась по городу и по городским стенам, высматривая изменения в поведении вампиров. Пару раз мы даже совершали вылазки за пределы крепости – правда, мы выходили через задние ворота и держались в безопасной близости от городских стен и ормондских лучников на них. Маршал с деловым видом изучал местность, а вампирские наблюдатели приблизились к нашим воротам на максимально возможное расстояние, чтобы их не задели наши стрелы. Я не сомневалась – в Ленстере уже известно о прибытии Оффали в Ормонд. Тот факт, что подступы к городу перекрыты, и наша армия здесь появиться никак не может, не мог успокоить вампиров – у маршала была слава полководца, способного победить в самой безнадежной ситуации. Дориан не мог не знать об этом и не мог не забеспокоиться на этот счет, хотя бы слегка. Но почему-то они до сих пор ничего не предприняли, даром что прошла уже почти неделя с тех пор, как

мы сюда прибыли. Вампиры словно замерли в ожидании чего-то, и это не нравилось ни мне, ни Оффали, ни ван Ларсу, ни Линнару. Это было эдакое затишье перед бурей, которое все больше начинало меня нервировать.

И хотя в итоге все прошло в соответствии с моим планом, для меня это событие оказалось слишком неожиданным. Просто я действительно не рассчитывала в тот день столкнуться с отрядом вампирских дозорных и морально не была готова к подобной встрече. В реальности она оказалась гораздо страшнее, чем я себе представляла.

В то утро я впервые проснулась от того, что мне на лицо попал солнечный луч. Он был неярким, и, как я вскоре убедилась, небо по-прежнему было в облаках, но после стольких хмурых дней и эти просветы были праздником. Совершив очередной обход, маршал удалился на обед, а я направилась к задним воротам. Встрепенувшейся страже сказала, что во время последней прогулки в сторону леса маршал Оффали потерял очень важный амулет и отправил меня на его поиски. Один из стражников, которому на вид было лет сорок пять, сурово сдвинул брови и по-отечески строго сказал мне:

– Только держись подальше от этих кровососов, парень!

Они приоткрыли одну из створок, я легко выскользнула наружу и действительно направилась в лес. Перешагивая через поваленные деревья, я шла по уже знакомой тропке. Вокруг меня был еще даже не лес, а так, подлесок. Деревья стояли разрозненно, слабый солнечный свет пробивался сквозь

ветки. На вампиров я не боялась натолкнуться, поскольку в лесу им делать было точно нечего. Дошла до небольшой речки, протекавшей здесь, нашла старый упавший ствол дерева, еще не совсем гнилой, и уселась на него. Вокруг царила тишина, изредка нарушаемая криками каких-то птиц. Прикрыв глаза, я расслабилась и хотела проделать несколько обычных упражнений для расширения своего магического резерва, которым меня учил Мариус. Но сосредоточиться на этом мне не удалось – в голову снова полезли воспоминания о последнем разговоре с Агатой, который все никак не давал мне покоя. Через пять минут я поняла, что позаниматься магией мне так и не удастся, и мысленно вернулась к своему последнему вечеру во дворце.

Это было накануне нашего отъезда. Отец одобрил мой план, вещи были собраны, нужные люди проинформированы, и наутро мы должны были отправиться в Ормонд. Вечером я решила зайти к своей няне попрощаться. Когда я подходила к двери ее комнаты, изнутри до меня донеслись странные завывания. Ничего не понимая, я открыла дверь и обнаружила Агату сидящей на кровати и проливающей горькие слезы. Машинально защитив комнату от подслушивания, я бросилась к этой невысокой пожилой женщине, ставшей моим самым близким другом во всем мире.

– Агата, что с тобой?

Она продолжала рыдать, и мне потребовалось приложить определенные усилия, чтобы разобрать ее ответ:

– Девочка моя… Да как же так можно… Совсем юная, еще толком не пожившая… И вдруг – этим кровососам на съедение!

Это был первый раз, когда кто-то действительно переживал за меня, и сердце внезапно защемило. У меня самой на глаза навернулись слезы, и как можно мягче я сказала:

– Со мной все будет в порядке, обещаю! Ты же знаешь, я живучая… К тому же, пойми, Валенсию надо спасти…

Почему-то от моих слов она заревела еще горше.

– Да куда же это годится! – в перерывах между всхлипами выдавила она. – Кого беспокоит эта Валенсия, когда родители собственного ребенка на верную смерть отправляют!

– Агата, перестань, – ласково сказала я. – Ты же знаешь, у отца нет другого выхода, а леди Алина…

Непечатным выражением Агата точно сформулировала, куда может отправиться леди Алина. Услышать подобное от всегда доброжелательной Агаты было сюрпризом, и я удивленно на нее посмотрела.

– Тогда что тебя так удивило? – недоуменно спросила я, и вдруг меня осенило. – Ты говоришь о моей настоящей матери, да?

Она горестно кивнула и начала стирать слезы с опухшего лица.

– И что с ней? – спросила я резче, чем хотела. В животе завязался неприятный узел плохого предчувствия.

Агата всегда избегала разговоров о моей матери, и я даже

не знала ее имени. Но сейчас няня, видимо, была так расстроена, что ответила, перемежая слова со всхлипываниями:

– Да она… приказала вас… убить, когда… вы родились…

Я застыла, не веря собственным ушам, а Агата продолжала: – Это я, я спасла вас тогда… и отвезла… к отцу… Думала, вы… хоть здесь… будете в безопасности… Так нет… теперь отец отправляет вас… в самое пекло… У-у-у! – вырвалось у нее совсем простонародное завывание.

– Почему? Агата, почему она это приказала? – тихо и растерянно спросила я, но она не ответила. Просто сидела, раскачиваясь на одном месте и плача. Я поняла, что ответа не добьюсь. Тогда я использовала небольшое снотворное заклинание. Глаза Агаты закрылись, дыхание выровнялось, и она бессильно откинулась на подушки. Словно в каком-то оцепенении я поднялась на ноги, вышла в коридор и тихо прикрыла за собой дверь.

До отъезда мне больше так и не удалось поговорить с Агатой, и я уехала, не получив ответов на свои вопросы. Пока мы добирались до Ормонда, я раздумывала над тем, как бы мне половчее осуществить свой план, а здесь была так занята тем, чтобы правильно сыграть свою роль, что на мысли об Агате совсем не оставалось времени. Зато сейчас, когда я впервые за все время осталась одна, на меня наконец-то накатила запоздалая волна опустошенности и смятения. Неужели это правда? Неужели моя мать, кем бы она ни была, действительно приказала убить маленького ребенка? Я

всегда была уверена, что просто была ей не нужна, и именно поэтому она отослала меня к отцу. Так неужели я оказалась в Дионе только благодаря добросердечной Агате? Неужели мне настолько нет места в этом мире? Я уже привыкла к тому, что моя семья не очень нуждается во мне, но чтобы родная мать велела избавиться от меня… Это было слишком.

Обдумывая все это и отчаянно жалея себя, я пропустила их приближение и очнулась только в тот момент, когда меня окружил отряд вооруженных всадников. Я вскочила и с внезапным страхом осознала, что воинская форма на них не наша. Мечей никто не обнажил, но новоприбывшие не выглядели дружелюбно. Один из всадников выехал вперед, и я разглядела эмблему на его груди – коронованный грифон. Герб Вереантера.

Вампиры.

Откуда они взялись в лесу? Просто выехали на разведку? Или искали здесь что-то?

– Так, так, – задумчиво протянул тот, у которого была эмблема, и окинул меня с головы до ног внимательным взглядом. Он говорил на всеобщем довольно гладко, но с небольшим акцентом. – Адъютант самого Оффали, полагаю?

У меня язык прилип к небу, и я всего лишь продолжала испуганно на них таращиться. В действительности мне было гораздо более жутко, чем я себе представляла. Что теперь делать? Чем я вообще думала, когда создавала этот план? А если они меня просто убьют сейчас, то что? Большинство

плетений, которые я знаю, – целительские, а не боевые! Как мне защищаться?!

Глава отряда некоторое время раздумывал, а потом махнул рукой своим:

– Берите его и поехали.

Дальнейшее мне запомнилось смутно. В голове билась одна-единственная мысль: «Кажется, получилось». Без сопротивления я позволила грубо схватить себя, связать руки за спиной и посадить на лошадь. Веревка больно натирала кожу, и я старательно напоминала себе, что это все – часть плана, и придется немного потерпеть. Пути назад больше нет, теперь надо играть свою роль до конца. Пока они думают, что я – юный офицер, я нахожусь в большей безопасности. Если же они узнают, что я – принцесса, мне конец.

Дорога в Ленстер прошла спокойно. Я вела себя смирно, и вампиры не сделали мне ничего плохого – не били, не пили кровь, не издевались. Пока мы приближались к захваченному городу, я более или менее пришла в себя. Страх отступил, я строго напомнила самой себе, что у меня, вообще-то, есть миссия, которую я должна выполнить. Самая важная деталь – камешек с порталом – была при мне. Еще один пункт плана оказался благополучно позади, и теперь все зависит только от меня.

Когда мы въехали в город, меня уже занимали мысли о том, что все прошло слишком гладко, а единственным неудобством оказались затекшие и натертые от веревки ру-

ки. Ленстер оказался побольше Ормонда, но примерно с такой же планировкой. Мы въехали через главные ворота. Вампирские часовые даже не кинули на меня любопытного взгляда, а молча вытянулись перед главой отряда. Я про себя подивилась такой жесткой дисциплине. Отряд проскакал по центральной улице и подъехал к местной ратуше. Должно быть, Дориан расположился здесь. Хорошо, если и Виктор будет обретаться где-то неподалеку. По дороге я косила глазами по сторонам, высматривая жителей Ленстера. Изредка они попадались мне – угрюмые люди, торопившиеся поскорее добраться до пункта назначения. С облегчением я отметила про себя, что они не были похожи на зомби или на новообращенных вампиров. Значит, местные еще живы. Это только подстегнуло мое желание поскорее закончить свое дело.

Спешились, меня провели под конвоем в здание. Со связанными руками оказалось очень неудобно идти, а какой-то вампир еще и подталкивал меня в спину. К моему удивлению, меня отвели не в подвал, где, по моим представлениям, можно было запереть пленника, а провели в кабинет в конце коридора. Все это происходило в полной тишине. Руки мне развязали и посадили на стул в середине комнаты. Два вампира встали у дверей – безмолвный конвой, который меня слегка нервировал. Глава отряда куда-то пропал, и я предположила, что он пошел докладывать начальству о своем улове.

Минут через десять в коридоре послышались приближаю-

щиеся шаги и голоса, разговаривавшие между собой на вереантерском. За это время я успела окончательно прийти в себя и определиться с дальнейшей линией поведения. Стражники у двери все подобрались. Мне же пришлось призвать на помощь свои знания языка вампиров, чтобы понять, о чем шла речь.

– Вы оторвали меня от дел ради какого-то молокососа? – В холодном мужском голосе отчетливо звучало раздражение. Должно быть, это и был Дориан.

– Это адъютант маршала Оффали, – быстро ответил второй голос, тоже мужской. В отличие от первого он звучал почтительно.

– И ты думаешь, он может сообщить нам что-то действительно важное, Дориан? – Раздражение в первом голосе усилилось.

Так, что-то я не поняла. Так первый мужчина был не Дориан? Тогда кто может позволить себе разговаривать с командующим вампирской армией в таком тоне? Неужели это знаменитый маг Виктор обладает в Вереантере таким влиянием?

Дверь распахнулась, и в комнату вошли трое. Я узнала их всех. Блондин со шрамом на щеке – военачальник Дориан. Рядом с ним – невысокий вампир с молодым лицом и невероятно старыми глазами – Виктор. Но я отметила его появление лишь краем глаза, все мое внимание было приковано к высокому мужчине, вошедшему в кабинет первым, и при

виде которого стражники у дверей почтительно склонили головы.

Сам Адриан Вереантерский, правитель Вереантера и архивампир.

Кажется, теперь у меня действительно проблемы.

Глава 4

Я смотрела на него во все глаза. Хель побери все на свете… Как это возможно?! Ни в одном из допустимых развитий событий мы и не предполагали, что придется иметь дело с этим существом! На небольшие пограничные города вроде Ормонда Дориана и Виктора было более чем достаточно! Зачем он вообще сюда приехал? Неужели присутствие маршала Оффали так напрягало вампиров, что их король решил лично почтить Ленстер своим присутствием? Или есть еще что-то, о чем мы не знаем? Что я могла упустить из виду?

Так, надо успокоиться и сосредоточиться. Да, Адриан здесь, с этим уже ничего не поделаешь. Гораздо важнее теперь понять, что мне делать дальше. Как себя вести, что говорить? Обмануть его будет сложнее, чем остальных. Я на секунду прикрыла глаза, собираясь с мыслями и перебирая в памяти все, что мне было известно об этом архивампире. Значит, так. У власти он находился уже семьдесят лет, при этом сам относительно молод – ему приблизительно около сотни лет. Для архивампира это совсем небольшой возраст. Именно при Адриане Вереантер стал тем могущественным государством, которым был сейчас. Ту давнюю кровопролитную распрю между вампирами и эльфами начал отец Адриана, архивампир Магнус. От природы вампиры вспыльчивы и обладают жестоким неуравновешенным нравом, од-

нако Магнус переплюнул всех. Я мало интересовалась той войной, но некоторые истории, о которых знала, были ужасны. Кровь в буквальном смысле лилась рекой, люди и нелюди погибали тысячами. Конец войне положила смерть одного из эльфийских магов, бывшего главным врагом Магнуса. Я не помню, что конкретно они не поделили, но война началась именно из-за их вражды. Магнус был королем, а тот эльф – одним из сильнейших магов с большим количеством сторонников. К слову сказать, по степени жестокости и безжалостности эльф не уступал архивампиру, так что их противостояние было страшным. После смерти эльфа вампиры отступили, и опустошенные королевства стали восстанавливаться после войны. Не могу судить о вампирах, но прочие расы вздохнули с облегчением, когда Хель наконец-то забрала Магнуса.

Тогда новым правителем стал Адриан – полная противоположность отца. Адриан не обладал тем темпераментом, свойственным всем вампирам, и отличался крайним спокойствием и рассудительностью. Лично я затруднялась сказать, что было хуже – архивампир, находящийся во власти своих эмоций, или вампир, целиком и полностью контролирующий ситуацию и просчитывающий собственные действия и своего окружения на десятки шагов вперед? Почему-то мне казалось, что Адриан был худшей угрозой, чем его отец. Он слишком рационален, слишком бесчувственен, и поэтому у него нет слабых сторон. Мариус сталкивался с ним лично,

к счастью, не в схватке, и рассказывал, что архивампиру наплевать на все, кроме своих собственных интересов, и он не останавливается ни перед чем, чтобы получить желаемое.

Что мне еще было о нем известно? Не так уж и много. Очень сильный маг, как и все архивампиры. Мариус честно признался, что в бою не смог бы его одолеть. Взглянув на короля магическим зрением, я была вынуждена признать правоту своего учителя – свет ауры Мариуса был просто заметен издалека, в то время как тьма вокруг архивампира была почти осязаемой. Мне, светлому магу, от этого зрелища стало не по себе, и я невольно вжалась в спинку стула. Что еще? Прекрасный воин. Даже сейчас на допрос он пришел вооруженный – я видела скрещенные рукояти мечей за его спиной. Кстати, одежда на нем была совершенно обычная – дорожная и потертая. Длинные черные волосы собраны в хвост. Никаких украшений, драгоценностей, короны на голове – ничего. Если ты не маг, то и не поймешь, что перед тобой правитель Вереантера, а не простой вампир.

М-да, он серьезный противник. В любой другой ситуации мне было бы интересно иметь с ним дело и посмотреть, смогу ли я его переиграть, но только не сейчас. С его появлением мои шансы на благополучный исход дела уменьшились примерно втрое. Или вчетверо.

А от следующей его фразы я едва не упала со стула. Адриан посмотрел на меня слегка удивленно, на его лице я отчетливо увидела недоумение, а затем он насмешливо осве-

домился:

– Неужели у Валенсии настолько плохо с армией, что Дарий берет туда даже девчонок?

В мгновенном приступе паники я оглядела себя. Все было в порядке, маскировка была по-прежнему на месте. Я подняла голову – Дориан и Виктор выглядели слегка озадаченными. Похоже, у них мой облик не вызывал вопроса. Как Мариус и говорил, такая иллюзия может обмануть даже архимага. Тогда что же получается? Архивампир может так спокойно, без малейших усилий видеть сквозь любую иллюзию?! Невероятно…

Адриан отправил в меня какое-то плетение, от которого я не успела увернуться. Оно соприкоснулось с личиной адъютанта, и в ту же секунду та развеялась. Свое лицо я видеть не могла, но, опустив глаза, заметила, как поднялся на вновь появившейся груди мундир. Руки тоже снова стали женскими, но с грубой кожей и пигментными пятнами. Какое счастье, что мы с Мариусом на всякий случай наложили на меня не меньше десятка заклинаний и так сильно изменили мою внешность! Правда, вряд ли присутствующие вампиры узнали бы меня и в моем настоящем облике, но так мне было спокойнее.

Брови мага и командующего армией удивленно приподнялись, но сказать вслух они ничего не посмели. Я сама про них почти забыла, поскольку Адриан внимательно изучал меня с головы до ног, и от этого холодного, проникающего насквозь

взора мне хотелось съежиться. Да, я привыкла к неприязненным взглядам во дворце и научилась на них отвечать, но с таким – равнодушно-оценивающим, не прикрытым шелухой любезности – я столкнулась впервые. Да, были случаи, когда я сталкивалась с чиновниками и министрами, пытавшимися меня прощупать и понять, что я за птица, но я знала, что они не станут для меня проблемой. Я была сильнее их всех. А сейчас все было с точностью до наоборот, и внезапно я ощутила себя маленькой и ничтожной. Проклятый вампир, как он это делает?!

– Магичка, значит, – тем временем протянул Адриан, закончив рассматривать меня, и я едва сдержала вздох облегчения. – Причем светлая. И сильная. Где Дарий только тебя нашел, ведь у него всего два ручных мага – Мариус и старшая дочь… Зачем тебя приставили к Оффали?

Переход был неожиданным, вдобавок я еще не успела прийти в себя после того, как архивампир легко увидел под маскировкой меня. Но к подобному вопросу я была готова и ответила, искренне понадеявшись, что мой голос не будет похож на писк испуганной мыши:

– Оказание помощи.

– Твоя специальность? – Его голосом можно было воду в реке заморозить.

– Целительство.

Самое забавное, что я практически не соврала. Издревле маги делятся на темных и светлых. Это не врожденное каче-

ство, это сознательный выбор мага, который он делает, достигнув определенного магического уровня. Выбирая своим покровителем Луга, бога света и жизни, маг становится светлым, а если его покровительницей является Хель, богиня смерти, то маг – темный. В корне неправильной является точка зрения, что темные маги – это зло, а светлые – исключительно добрые и хорошие. Это не так, на обеих сторонах бывают разные маги. Друг от друга темные и светлые отличаются лишь умением оперировать разными видами энергии. Светлые используют магию жизни, они черпают ее из окружающей природы – чаще всего из земли или огня. Среди светлых магов преобладают целители. Здесь, кстати, действует старый предрассудок – всем известно, что тьма и свет – это не добро и зло, однако темным магам становиться целителями запрещено. Все целители – исключительно светлые. Темные же маги берут силу из самих себя или из энергии смерти. Поэтому все некроманты – только темные маги. А вот стихийником или прорицателем может стать кто угодно, были бы способности.

Выбор стороны зависит и от народа. Например, у людей и гномов есть свобода выбора – они сами выбирают сторону. А вот вампиры и темные эльфы становятся только темными, а светлые эльфы и сидхе – только светлыми. Не знаю, с чем это связано. Кстати, подсознательная вражда между сторонами сохраняется, хотя объективно объяснить ее почти никто не может. Просто… невозможно совместить несовместимое, а

ведь свет и тьма несоединимы.

Мариус – светлый маг, закончивший в академии целительский факультет. Я сама стала светлой, когда мне было восемнадцать. Строго говоря, специальности у меня нет – ее можно получить только в учебном заведении. Я же получала домашнее образование, но Мариус обучал меня всему, что знал сам, и поэтому я считаю себя тоже целителем. И кстати, неправильно думать, что если маг – целитель, то кроме исцеляющих заклинаний и рецептов эликсиров он больше ничего не знает. В магических школах ученикам стараются дать разностороннее образование, а Мариус еще и архимаг, так что он знает достаточно и бытовых, и оборонных, и боевых плетений. Многим из них он обучил и меня. Так что, по меркам академии, мои знания будут соответствовать уровню студента-старшекурсника, а в некоторых областях – почти магистру. Правда, здесь была заслуга не только Мариуса, но и… Впрочем, сейчас не об этом речь.

– Зачем Оффали прибыл в Ормонд? – вернул меня в действительность голос короля.

Все по-прежнему шло по сценарию, и я замялась. Ну не может же преданная королю валенсийка сразу же расколоться и выдать врагу все планы! Молчание стало затягиваться. Дориан по-прежнему смотрел на меня, Виктор же отсутствующим взглядом изучал стены. Похоже, он витал в собственных мыслях, и происходящее здесь его мало беспокоило. Выражение лица короля почти не изменилось, только ста-

ло более скучающим. Я ожидала повторного вопроса, угроз, чего угодно, но вместо этого Адриан внезапно обернулся к остальным вампирам в кабинете:

– Приведите Ралена и остальных в зал. Эту, – он кивком указал на меня, – к ним же.

Вампиры пришли в движение прежде, чем он успел договорить. Низшие вампиры у двери подхватили под руки ничего не понимающую меня и поставили на ноги, а затем потащили вон из комнаты. Адриан уже вышел оттуда, разом потеряв ко мне всякий интерес. Дориан и Виктор устремились следом, точно так же разом позабыв обо мне. В этом не было ничего странного – вампиры относятся к людям высокомернее, чем к другим расам. Они видят в нас лишь… еду и редко снисходят до того, чтобы увидеть в человеке личность. Ужасный народ эти вампиры, с ними нельзя иметь никаких дел!

Меня втолкнули в большое пустое помещение, находившееся на том же первом этаже. Не знаю, что здесь было раньше, но сейчас зал был пуст, а мебель придвинута к стенам. Здесь уже находился Виктор, который опустился на колени и теперь чертил на полу мелом какую-то сложную пентаграмму. Не зная, что здесь происходит, я следила, как зал стал постепенно заполняться – низшие вампиры вводили сюда людей. Лишь через несколько минут я поняла, что это были остатки Ленстерского гарнизона – оставшиеся в живых и взятые в плен военные. Мелькнуло лицо Ралена – градона-

чальника Ленстера. Надо же, а мы были уверены, что его уже убили… Все люди, которые появлялись в зале, были бледными, оборванными, грязными. У многих из них были раны и ссадины. Их явно до сегодняшнего дня держали где-то взаперти и, возможно, впроголодь. Большинство пленных солдат молчали, лишь изредка слышались тихие голоса. Я заметила и нескольких женщин в потрепанных платьях. На вампиров люди смотрели с нескрываемой ненавистью, а на меня – девушку в мужской одежде – с удивлением, но не осмеливались говорить ничего вслух. Это какие-то чары, или всех просто так сильно запугали? Донер их всех раздери, что задумал Адриан?!

Пентаграмма на полу все разрасталась, и внезапно она показалась мне знакомой. Я точно видела ее раньше в одной из книг Мариуса. Сообразить бы еще, что это была за книга… Я прикрыла глаза, вспоминая. Книга была… по некромантии, точно. А эти символы означают… Символы означают…

Я распахнула широко глаза, когда вспомнила. Ужас сковал меня моментально, я даже поверить не могла, что Виктор действительно проведет именно этот ритуал! Нет, формально он не был запрещен, но некроманты очень редко его используют, поскольку на него уходит огромное количество сил! Это было еще хуже, чем просто обратить человека в вампира. Они собрались использовать против нас «Кару Снотры» – отвратительное колдовство, которое не просто воскрешало мертвого, но порабощало его настолько, что

человек за несколько дней полностью исчезал как личность, оставалась лишь пустая оболочка, обладающая навыками и знаниями, но не имеющая никаких чувств, не помнящая своей жизни. Просто призраки, бездумно выполняющие приказы хозяина. Вот почему Адриан не стал продолжать допрос! Он хочет использовать этот ритуал, и, когда я перестану быть самой собой, то без колебаний расскажу ему обо всем, что его будет интересовать. И меня перестанет волновать, предаю я свое королевство или нет! Я ведь больше не буду Корделией ван Райен, старшей принцессой Валенсии, а стану низшим вампиром без памяти и привязанностей! Нет, такой ход событий мы никак не просчитывали!

В панике я огляделась, прикидывая, что теперь можно сделать, но затем поспешно одернула себя и торопливо перевела взгляд в пол. Это было проделано мной машинально, поскольку не раз попадала в положение, когда начинала нервничать. Я знала, что мои глаза сейчас изменили цвет и переливались багровыми всполохами – особенность, которую я ничем не могла объяснить. С детства знаю, что, когда теряю контроль над своими эмоциями, мои глаза начинают светиться темно-красным. Я не знаю, почему это происходит со мной, но привыкла в такие моменты скрывать свой взгляд от посторонних. Так что об этом не знал никто – ни мои родные, ни даже Мариус. Глубоко вдохнув, я более или менее взяла себя в руки и осмотрелась по сторонам. Надо было решить, как действовать дальше.

Адамантий с порталом по-прежнему висел у меня на шее, и я отсюда выбраться смогу. Перенесусь прямо во дворец. Задание будет провалено, но, по крайней мере, я буду жива. К сожалению, мое бегство никак не повлияет на судьбу присутствующих здесь людей, их все равно превратят в безвольных рабов. Я прикинула, какие заклинания были у меня в арсенале. Вспомнила несколько неплохих, но справиться ни с Дорианом, ни с Виктором я не смогу. Про Адриана я вообще молчу, архивампира может одолеть только архимаг, и то, если ему очень повезет. Вдобавок правителя Вереантера сейчас в поле зрения не было. Тогда что делать? Выбрать кого-то одного, пожертвовав находящимися здесь людьми? Боюсь, больше ничего не остается. Значит, так. Отправить в Дориана плетение «Гнев Донера», вложив в него всю свою силу. Оно и так разрушительно, а если я использую весь свой резерв, то взрыв получится знатный, и от командира армии за секунду не останется и горстки праха. Затем активирую портал и унесу отсюда ноги. Раз уж не удалось добыть нужное заклинание, то, во всяком случае, лишу Вереантер талантливого полководца и стратега.

Сконцентрировав всю свою энергию, я вдохнула, собираясь разнести половину этого зала, но в ту же секунду чужая сила сдавила мою голову, словно тисками, парализуя и лишая возможности магичить. Удар пришелся со спины, и я неосознанно выгнулась дугой. Сила принадлежала темному магу, и от соприкосновения с моей светлой магией она будто

пронзила меня разрядом молнии – болезненным, колючим. Я застонала и схватилась руками за голову.

– Сообразительная, – хмыкнул голос за моей спиной. – Не думал, что ты так быстро опознаешь «Кару Снотры».

С трудом повернувшись, я нос к носу столкнулась с Адрианом. Неожиданно обнаружила, что он заметно выше меня – пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Архивампир рассматривал меня с легким любопытством и даже не думал отпускать. Получается, все это время он стоял за моей спиной и наблюдал? Решил не выпускать магичку из виду? Умный урод…

Ну, спросила я себя, что ты собираешься делать дальше? Ты всегда так гордилась своим хладнокровием и способностью быстро находить решения в любой ситуации, и как же будешь выпутываться теперь? Впервые в жизни я попала в ситуацию, где ничего не могла изменить, где от моего собственного мнения ничего не зависело. Это было жутко – потерять контроль, пожалуй, еще хуже, чем просто испытывать боль в висках.

Адриан приумножил ментальное давление, я взвизгнула от усилившейся боли и, будучи больше не в силах это выносить, рухнула на колени. Мне казалось, что кто-то вонзил мне в глаза раскаленные стальные прутья и теперь медленно поворачивал их в пустых глазницах, протыкая голову насквозь. О сопротивлении не могло быть и речи. В ушах зазвенело, во рту ощущался металлический привкус – должно

быть, я прокусила до крови губу. Как же больно! Боги, помогите мне!

С трудом открыв глаза, я увидела, как Адриан с невозмутимым видом кому-то кивает и отходит в сторону, а затем ко мне стремительно приближается Дориан, на ходу доставая из-за спины меч. Эти секунды, кажется, растянулись на целую вечность – я отчетливо видела, как он поднимает его и наносит мне удар в грудь отработанным движением, которому меня обучал Люций. Видела – и ничего не могла сделать. В тот момент, когда сталь пронзила мое тело, Адриан прекратил ментальную атаку, и я сразу же ощутила острую боль в груди. «Я умираю», – успела мелькнуть удивленная мысль. Сознание начало гаснуть, и сквозь туман я увидела, как в зале началась резня – вампиры убивали всех присутствующих здесь людей. Раздавались крики, отвратительные чавкающие звуки, когда оружие взрезало плоть, стоны умирающих, проклятия еще живых…

А затем стало темно.

Глава 5

Тишина.

Пустота.

Боли больше не чувствовалось. Я открыла глаза и осторожно осмотрелась. Необычное ощущение – вокруг меня не было ничего, взгляд ни за что не цеплялся. Только серая мгла окружала меня со всех сторон. Как тихо… Не было больше ни криков, ни стонов, ни людей, ни вампиров… Я осталась одна. Пока поднималась на ноги, мне через плечо перелетела прядь длинных темных вьющихся волос. Кажется, ко мне вернулся мой настоящий облик. Ну да, я же умерла… На всякий случай перевела взгляд себе на грудь – на одежде по-прежнему расплывалось темное пятно, но, когда я ощупала себя руками, то убедилась, что рана пропала. Так что, я теперь нематериальна? Призрак?

И где я вообще нахожусь?

Было странно осознавать, что я мертва. Мне было всего двадцать три года, к тому же я была магом, а они отличаются очень долгим сроком жизни. И поэтому я казалась самой себе практически бессмертной. И что же дальше? Неужели на этом… все? Мой жизненный путь подошел к концу? Но почему так быстро? Я же почти ничего не успела сделать…

Сквозь серую дымку внезапно стал проникать свет, словно солнце выглянуло из-за туч. Неожиданно обнаружила се-

бя стоящей на цветущем лугу – я видела высокую зеленую траву вперемешку с полевыми цветами и, как мне показалось, даже ощутила их запах. Солнце засветило по-настоящему, и я недоверчиво рассматривала это чудо вокруг. Что происходит?

– Здравствуй, Корделия, – раздался за моей спиной дружелюбный голос.

Я обернулась. Передо мной стоял улыбающийся молодой человек, примерно мой ровесник. Пшеничного цвета волосы были слегка растрепаны ветром, кожу покрывал ровный загар, улыбка демонстрировала белоснежные ровные зубы. Синие глаза смотрели на меня ласково, и мне неожиданно стало как будто теплее. Я нерешительно улыбнулась в ответ и вдруг заметила, что и от самого парня словно исходит свет. И свет этот тянул к себе, омывал потоками чего-то очень хорошего, от чего на душе становилось лучше. Тяжелые мысли отступали вроде сами собой. Человек на подобное не способен, а, значит, это…

– Вы – Луг Светоносный? – растерянно уточнила я.

Он улыбнулся шире, а я запуталась окончательно.

– Почему вы здесь? Я думала, что умерших забирает Хель, богиня смерти.

Не теряя своей доброжелательности, бог света ответил:

– Верно, но это касается всех, кроме светлых магов. Их души после смерти забираю я.

Ах! Вот в чем дело… Я понятливо кивнула, но Луг про-

должал стоять на месте и улыбаться, он не спешил никуда меня уводить. Заметив мое недоумение, он пояснил:

– Я не могу забрать тебя. Ты еще не умерла окончательно, и вампиры собираются вернуть тебя назад, обратив в низшего вампира и лишив разума.

Я с ужасом прижала руку ко рту, вспомнив события предыдущего дня, а Луг со вздохом покачал головой:

– Какое неуважение! Раньше только боги могли решать, кому жить, а кому умереть, а теперь вампиры стали обладать властью воскрешать мертвых. А мы вынуждены мириться с их решением! И все потому, что Хель им слишком сильно благоволит…

– Вы не можете освободить меня от этого и забрать сейчас? – решилась попросить я. – Я лучше умру, чем стану вампиром без воли и без души!

Луг смотрел на меня с грустной, искренне сострадательной улыбкой.

– Не могу. Единственное, что я могу тебе сказать, – ты не станешь вампиром. Твоя кровь не позволит. Ты останешься собой.

– Что это значит? – ничего не понимая, спросила я. Моя голова шла кругом. Почему кровь не позволит? Что в ней такого необычного? И чем нежить может быть лучше обычного вампира?

Прежде чем Луг успел ответить, подул сильный ветер. Солнце пропало, и я зябко поежилась. Цветы на лугу поблек-

ли и увяли, а трава пожелтела. Бог света по-прежнему стоял рядом, и вокруг него оставался островок тепла и жизни, в то время как природа вокруг меня умирала. Уже все? Я сейчас вернусь в свое тело?

Женщину в темном плаще я заметила, когда она была уже в нескольких метрах от меня. Она подошла практически вплотную, и если от Луга исходил свет, то от нее веяло тьмой. Я ожидала, что сейчас еще резко похолодает, но ничего такого не произошло. Тьма оказалась не холодной, а… обычной. Женщина выглядела старше меня, а ее лицо не выражало ни доброжелательности, ни неприязни, лишь совершенное спокойствие. Ее нельзя было назвать ни красавицей, ни уродиной, она была совсем обыкновенной. У меня даже не находилось подходящих слов, чтобы описать ее – глаз ни за что не цеплялся. Средний рост, неприметное лицо – обычные рот, нос, лоб, волосы… Ее выдавали только глаза – черные, бездонные, в которых плескались тысячелетия.

Луг выглядел слегка озадаченным ее появлением.

– Хель, – поприветствовал он ее. – Что привело тебя сюда?

– Здравствуй, Луг, – кивнула она ему в ответ. – Я хотела напомнить тебе о твоем обещании.

Я переводила взгляд с одного бога на другого, боясь издать хоть звук, а Луг вопросительно приподнял брови:

– И чего же ты хочешь?

Хель кивнула на меня:

– Уступи мне эту душу.

Я ойкнула, не сумев сдержаться, а Луг выглядел все еще недоумевающим.

– Зачем она тебе? Ты же все равно получишь ее, когда она умрет.

– Она нужна мне сейчас, – тихо и настойчиво сказала богиня смерти.

Какое-то время Луг еще сомневался, но потом пожал плечами:

– Что ж, я действительно обещал тебе. Можешь забрать ее.

С этими словами он исчез, а вместе с ним из окружающего мира пропали последние остатки тепла. Я осталась с Хель наедине. Сцена, которой я только что стала свидетелем, была непонятной и жуткой, потому что я впервые осознала, насколько сильно люди зависят от воли богов. В конечном итоге человек ничего не решает, боги вольны распоряжаться им по своему усмотрению. Я понимала, что игры богов не касаются смертных, и их поступки – не мое дело. Поэтому задумалась, как бы сформулировать вопрос, чтобы богиня на него точно ответила.

– Это действительно тебя не касается, – усмехнулась Хель, наблюдавшая за моими терзаниями. – К тому же у нас мало времени, так что слушай внимательно. Я поставила защиту на твой разум, так что, когда ты вернешься, останешься самой собой. Твоей задачей будет сделать так, чтобы вампиры тебя не разоблачили, в противном случае они проведут этот

ритуал снова. Поняла?

Я ошарашенно кивнула. В голове царил полный сумбур, и я взглянула на богиню, ожидая продолжения. Но Хель не спешила говорить дальше, и тогда я спросила:

– Почему вы меня спасаете? Я думала, вы на стороне вампиров.

– Это верно, – согласилась Хель. – Даже не столько вампиров, сколько архивампиров. – Я поежилась, вспомнив об Адриане, а богиня продолжила: – Но тебя убили слишком рано, а ты нужна мне в мире смертных живой и в трезвом уме.

Я уже открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, а она добавила:

– Со временем узнаешь зачем.

– Но вы уверены, что вам нужна именно я? – рискнула спросить я. Как-то очень уж необычно звучали ее слова.

– Вер не ошибается, – лаконично изрекла богиня. Спорить с этим высказыванием было глупо, поскольку богиня-провидица действительно ошибиться не может.

Я выдохнула. Стало понятно еще меньше, чем до слов Хель. У меня будет какая-то миссия, которую я должна выполнить? Почему именно я? Что во мне такого, если сама богиня смерти говорит о моей слишком ранней гибели? И какую услугу я должна оказать для Хель? Сомневаюсь, что речь пойдет о какой-нибудь ерунде, наверняка это будет нечто глобальное и вовсе не обязательно приятное для меня. И не

стоит забывать о Вер. Неужели моя роль в мире так велика, раз у самой богини-пророчицы было видение обо мне? На языке вертелась тысяча вопросов, но расспрашивать Хель сейчас бесполезно – она же сказала, что потом я все пойму.

– И что мне делать потом? Ждать вашего знака? – Против воли мой голос прозвучал иронично, и я исподлобья взглянула на мою собеседницу. Вдруг ей придет в голову обидеться или еще что-нибудь… Но Хель лишь пожала плечами.

– Не будет никакого знака. Ты умная девочка, сама со временем все поймешь.

– Но вы же знаете, что идет война, – решилась после паузы напомнить я. – И если я вернусь и по-прежнему буду хозяйкой самой себе, то буду на стороне Валенсии. Против вампиров.

Что-то мне подсказывало, что с Хель лучше не юлить и сразу выложить все как есть. Пусть уж лучше забирает меня сейчас, чем потом обрушит свой гнев, когда поймет, что я действую во вред ее любимцам.

– Ваши мелкие склоки мне малоинтересны, – равнодушно ответила Хель. – Победа или поражение Вереантера не будут играть большой роли в грядущих событиях.

Эту войну она назвала мелкой склокой? Уже столько людей погибло, столько городов захвачено, а она… Тут я вспомнила, что, вообще-то, говорю с богиней, а богов дела смертных и в самом деле не очень волнуют. Тогда я решилась задать еще один вопрос, уже на другую тему:

– Луг сказал, что я не стану вампиром из-за крови… Вы не скажете мне – почему?

– Нет. Об этом ты тоже узнаешь сама. Когда Адриан воскресит вас всех, ты останешься самой собой. Только сторона изменится.

– Я больше не буду светлой? – испуганно спросила я, когда сообразила, что Хель имела в виду. – Почему?

Она пожала плечами.

– Все вампиры – темные. Ты не можешь стать вампиром физически, но станешь темным магом. Этого не предотвратить.

Темная сторона… Никак не думала, что со мной такое произойдет. Что мне делать, будучи темным магом? Какой я буду? Мариус рассказывал, что свет и тьма меняют людей. Они не делают их хорошими или плохими, просто… меняют. Что станет со мной? В кого я превращусь? И опять действуют старые предрассудки – я не хочу становиться темной, поскольку боюсь, что превращусь в злую ведьму. Хотя сколько раз твердил Мариус, что темный не значит плохой! Но мне была глубоко неприятна сама мысль об этом.

Мир вокруг вдруг снова потеменел, как если бы на землю внезапно упала ночь. Пропали просторы вокруг, мир сузился до маленького пятачка, на котором находились богиня смерти и я. Опустив глаза, я увидела, что от засохшего луга, на котором продолжала стоять, тянется вдаль узкая тропинка.

– Тебе пора, – услышала я тихий голос Хель.

Я повернулась к ней, но богиня уже пропала. Что ж, мое время в загробном мире подошло к концу. Пора возвращаться.

И я пошла по дорожке.

Момент возвращения в свое тело я пропустила. Помню, как шла по той тропинке, вокруг меня становилось все темнее и темнее, а в следующий момент обнаружила себя лежащей на каменном полу. Рефлексы, разработанные благодаря Люцию, позволили мне овладеть собой буквально в течение пары секунд, и я не стала сразу же вскакивать и озираться по сторонам. Мои глаза были закрыты, но я слышала вокруг себя шум и вздохи – кажется, в себя стали приходить все убитые. Первым делом прислушалась к самой себе и поняла, что смертельная рана, нанесенная мне Дорианом, пропала. Не болело больше ничего, только бок слегка затек от долгого лежания на полу. Интересно, сколько же времени прошло здесь, пока я была мертва? Кстати, встречу с Лугом и разговор с Хель я помнила очень отчетливо. Значит, меня сейчас окружают одни вампиры, и я остаюсь совсем одна против всех. Мой разум принадлежит только мне, но никто из врагов этого не знает, и моя задача осталась прежней – выполнить миссию и вернуться в Валенсию. Какая ирония… Я все думала, как бы мне подобраться к гримуару Виктора, а теперь это сделать будет гораздо легче – ведь высшие вампиры уверены, что я превратилась в безвольную куклу!

На мое лицо стали падать тени – это живые мертвецы стали подниматься на ноги. Воспользовавшись тем, что стоящие на ногах люди закрывают лежащую меня, я торопливо поднесла руку к глазам и приоткрыла их. Так и есть – моя рука осветилась красным, а, значит, мои глаза горят сейчас багряным огнем. Я сделала глубокий вдох. Все в порядке. Я жива, в своем уме и не стала вампиром… Одно плохо – я теперь темный маг. Но это гораздо лучше, если бы я стала низшим вампиром. Мне осталось всего-навсего украсть гримуар и сбежать отсюда, оставив Адриана, Дориана и Виктора с носом. Я справлюсь. Я сильная.

С облегчением увидела, как красные отблески на руке пропадают. Можно надеяться, что глаза снова вернули свой привычный зеленый цвет. Тогда я убрала руку и медленно начала подниматься на ноги.

Люди вокруг меня изменились. Вообще все происходящее вокруг выглядело как поднятие армии зомби. Вживую я ни разу не сталкивалась с подобным, только читала в книгах по истории. Пол был залит засыхающей кровью, которая практически целиком покрывала пентаграмму, начерченную Виктором. Люди тоже были в крови, но их раны закрылись, как и моя. Их кожа теперь была практически белой, а под глазами появились темные круги. Это навело меня на мысль, и я быстро посмотрела на собственные руки. Так и есть – на мое тело смерть никак не повлияла, и заклинания, наложенные еще в Дионе, все еще держались. Я оставалась в обли-

ке не валенсийской принцессы, а дурнушки-мага. Моя кожа благодаря тем заклинаниям оставалась смуглой, и я торопливо прошептала себе под нос контрзаклинание, возвращая коже ее первоначальную бледность. Про себя впервые возблагодарила богов за то, что всю жизнь была бледной – эта бледность поможет мне сейчас сойти за вампира.

Так чем же вампиры в действительности отличаются от людей? Среди крестьян бытует мнение, что все они – монстры-кровопийцы, живые мертвецы с торчащими наружу клыками, не оставляющие своих жертв в живых. Это не совсем так. То есть да, вампиры действительно пьют кровь, но они не осушают людей досуха. Вы знаете, сколько крови в человеке? Несколько литров. Вы смогли бы за один раз выпить несколько литров чего бы то ни было? Вот и вампиры не могут. Но то обстоятельство, что они не убивают людей, чтобы прокормиться, не добавляет им популярности. В любом случае вампиры находятся выше нас в пищевой цепочке, и этот факт заставляет людей относиться к ним недружелюбно. Да и сами вампиры, хоть и держатся в большинстве случаев невозмутимо, но их высокомерное отношение к людям все равно иногда проскальзывает в поступках и словах.

Что мне еще о них известно? Вампиры делятся на три группы – низшие, высшие и архивампиры. Низшие – это обращенные люди и вампиры, практически лишенные магических способностей. Они, грубо говоря, и в самом деле живые мертвецы. Высшие с самого начала были рождены вампира-

ми, и я не знаю особенностей их анатомии и физиологии. Живые они или мертвые? Кто знает.

Да, кстати, историям о постоянно оскаленных клыках тоже не стоит верить. Это все выдумки невежественных людей наподобие той, что вампиры боятся солнца. Не боятся. Клыки у вампиров есть, но небольшие, и они не демонстрируют их постоянно. Наоборот, пока у вампира закрыт рот, ты не сразу поймешь, человек перед тобой или нет. Так что, пожалуй, я смогу сойти за одного из них и не вызвать ни у кого подозрений.

Увидев, что руки побелели, я успокоилась и осмотрелась. Люди стояли молча и угрюмо смотрели на архивампира, беседовавшего у дверей с магом. В глазах людей была злость, которую они, однако, не могли высказать вслух. Я поняла, что они все, пусть и стали вампирами, пока еще оставались самими собой, хотя уже в ближайшие дни начнут исчезать как личности. Превратившись в вампиров, они целиком перешли во власть Адриана и с этого момента подчиняются только ему.

Я не говорила об этом? Низшие вампиры подчиняются тому высшему, который их обратил, если тот во время воскрешения использовал специальное плетение подчинения. Именно так архивампиры и высшие обычно поступали во время войн: обращая убитых людей в вампиров, они получали полностью подконтрольные им армии нежити. При желании высший может освободить обращенного им вампира, и

тот получает свободу воли и независимость. Насколько мне было известно, в мирное время именно так все и происходило, если человека вдруг обращали, и в Вереантере был отдельный свод законов, посвященный воскрешению из мертвых. Ну а на войне как на войне, здесь все правила нарушаются, и собственные законы можно преступать, особенно королю…

Поэтому я так испугалась участи, которой хотел подвергнуть меня Адриан. Если бы я стала вампиром или нежитью в его подчинении, я бы ответила на все вопросы о том, что я на самом деле делала в Ормонде. Не смогла бы соврать при всем желании, и наш последний шанс победить в этой войне оказался бы упущен.

– Что ж, так гораздо лучше, – прервал мои мысли голос архивампира. Я обнаружила, что он закончил свой разговор с Виктором и теперь изучал нас. Впрочем, особого интереса в его глазах я не заметила. Это было понятно – что он, армии подвластных ему вампиров никогда не видел? – Магичка, за мной.

С этими словами он развернулся и вышел из зала. В мою сторону даже не взглянул, не сомневаясь, что его приказ будет выполнен. Сообразив, кому адресовались его слова, я поплелась на выход, старательно сохраняя мрачное лицо, а про себя проклиная архивампира последними словами. Ну подожди, ублюдок! Я с тобой еще поквитаюсь за все!

На место Адриана тем временем встал Дориан. Я поняла,

что он сейчас займется остальными новообращенными. Но какие именно приказы Дориан им отдал, я не услышала, поскольку дверь за мной закрылась, и я последовала за Адрианом в кабинет, откуда меня не так давно выволокли и убили.

Глава 6

Он остановился посреди кабинета и без предисловий спросил:

– Так зачем Оффали прибыл в Ормонд?

Я остановилась и ответила, глядя куда-то в стену:

– Разведка. Король Дарий сейчас в отчаянном положении, маршал – его последняя надежда. Если и маршал Оффали ничего не сможет придумать, тогда война будет для нас проиграна.

Я не знала, как обычно ведут себя низшие вампиры, и старалась копировать манеру поведения людей, убитых в зале, – плохо сдерживаемая злость в глазах, однако полное отсутствие возможности сопротивляться и молчание. Кстати, злость мне даже не пришлось изображать – это чувство было настоящим. Я и в самом деле кипела внутри из-за того, как легко этот вампир распорядился моей жизнью, и лишь случайно я избежала ужасной участи. Впрочем, самому Адриану мои эмоции были совершенно безразличны. Архивампир размышлял над моими словами и целиком погрузился в свои мысли. На меня он перестал обращать внимание, и я представляла себе, как использую против него какое-нибудь смертоносное плетение, правда сомневалась, что таким образом смогу махом избавиться от всех своих проблем. К тому же это существо – архивампир, его одним заклятием,

пусть и очень мощным, не одолеешь… А потом он превратит меня в горстку пепла, и тогда все мои старания и защита Хель пойдут прахом. Нет, придется потерпеть.

– Оффали прибыл в город один?

Его темные глаза посмотрели на меня в упор. Сейчас в них не было ничего человеческого, они были похожи на куски гранита. Я с трудом подавила дрожь.

– Да.

Нет смысла говорить, что Оффали умудрился провести через дремучий лес всю валенсийскую армию, все равно мне не поверят.

– Ему удалось разработать какой-нибудь план?

– Мне об этом неизвестно, – сухо сказала я.

– Отлично, – неожиданно удовлетворенно кивнул Адриан, а затем обошел меня, открыл дверь в коридор и приказал кому-то:

– Позови сюда Дориана.

Торопливые удаляющиеся шаги. Я продолжала стоять на одном месте без движения, а архивампир подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу. В помещение широким шагом вошел высший вампир, убивший меня, и остановился в дверях.

– Готовься к штурму Ормонда, – приказал ему король, оборачиваясь. Он продолжал почему-то говорить на общем языке, не пытаясь скрыть от меня смысл. – Оффали сейчас там один, без армии. Захватим его – и Дарий сдастся. Впе-

ред отправляй новообращенных. Они собьют их с толку хоть ненадолго.

– Хорошо, Адриан, – кивнул Дориан.

– И скажи Виктору, что я даю ему полную свободу действий. Пускай поступает с местными, как ему заблагорассудится. Ему же были нужны люди для экспериментов…

От ужаса я едва не села на пол, но неимоверным усилием сдержалась и ничего не сказала, хотя в голове вертелось множество проклятий и ругательств. Хоть я и промолчала, Адриан заметил мой взгляд, полный неподдельного гнева, и насмешливо приподнял брови:

– В чем дело? Мы на войне, а не на занятии в академии. Ты ведь знала, на что идешь, когда отправлялась сюда.

Дориан обернулся и, кажется, только сейчас заметил мое присутствие. Меня это уже не удивило – я поняла, что стала для вампиров пустым местом. Они были уверены, что мое сознание исчезнет через несколько дней, и, следовательно, я была еще бóльшим живым мертвецом, чем те же зомби. Я же продолжала смотреть Адриану в глаза, в своей злости позабыв о страхе. Но язык прикусила и не сказала ни слова, а лишь продолжала глядеть на него в бессильной ярости.

– Что с ней делать? – вдруг спросил Дориан. – Она сильный маг. Может пригодиться.

Я напряглась, а Адриан лишь пожал плечами:

– Раз она целитель, то пусть отправляется к Нарциссе. Та пристроит ее к делу. К тому же целитель-маг нам явно скоро

понадобится.

Его слова мне страшно не понравились, и я решилась напомнить:

– Я же теперь темная. Я не могу больше исцелять.

– Этими глупостями вас пичкают магистры в академии? – поинтересовался повелитель Вереантера. – Сторона ни на что не влияет. Ты точно так же используешь плетения и наполняешь их энергией. Точка.

Я не нашлась что ответить, а Дориан деловито позвал:

– Рин!

В комнату заглянул какой-то низший вампир, которого я видела впервые.

– Да!

– Отведи магичку в лазарет, – приказал военачальник. – Пусть Нарцисса найдет ей дело.

– Есть!

С этими словами вампир шагнул в сторону, выпуская меня из комнаты. Мне не оставалось ничего иного, как выйти. Напоследок я на секунду оглянулась, но вампиры в кабинете уже обсуждали готовящееся мероприятие и позабыли обо мне. Я угрюмо пошла по коридору следом за своим проводником.

Нарцисса Эртано оказалась высшей вампиршей, заведовавшей лазаретом. Как и большинство вампиров, она перестала стареть, когда ей исполнилось тридцать, и сейчас ей

могло быть сколько угодно лет. Это была невысокая блондинка с решительным и жестким лицом. В первый момент я удивилась, как высшая вампирша могла оказаться в действующей армии, но уже после первых слов я поняла, что она обладала непримиримым характером, с которым трудно найти не только общий язык с семьей, но и мужа. Распоряжения она отдавала резким голосом, но не цедила сквозь зубы, а четко выговаривала слова. Интересно, как эту мегеру вообще допускают к раненым? Она же будет добивать их, чтоб не мучились…

Под лазарет вампиры выделили первый этаж ратуши, правое крыло. Я решила, что раньше здесь располагались административная часть и канцелярия. Помимо меня, сюда привели еще трех женщин, которых я видела в зале, и которых обратили в вампирш. Одна из них была постарше, на вид лет сорока, и две девушки лет двадцати. Из слов Нарциссы я поняла, что это была местная знахарка с ученицами. Они неприязненно косились на остальных вампиров, но возразить, к сожалению, ничего не могли. У Нарциссы уже было несколько низших вампирш-лекарей, причем это были обычные вампиры без «Кары Снотры». Нас же прислали сюда как лишние рабочие руки. Когда через несколько дней состоится штурм Ормонда, в лазарете будет достаточно пациентов, но сейчас он пустовал. Помощница Нарциссы показала нам кухню, где можно было бы готовить лечебные отвары, а высшая вампирша напоследок приказала:

– Раненым помогать и не сметь причинять вред. Исполнять все мои распоряжения. Ты! – Она ткнула в меня пальцем. – Использовать магию только в лечебных целях! И переоденься, а то девка в брюках в лазарете…

Она неодобрительно поморщилась. Меня мало волновало ее неудовольствие, и я задумалась над тем, что она только что сказала. Должно быть, без этого кто-нибудь вполне мог бы навредить местным вампирам, но приказ высшего низшие вампиры нарушить не могут. Знахарки глухо заворчали, до меня донеслись тихие проклятия в адрес вереантерцев. Но ослушаться они не могли, и Нарцисса вскоре удалилась по своим делам.

Следующие четыре дня прошли спокойно. Во всей ратуше кипела жизнь – подготовка к штурму шла полным ходом, – но лазарета эта суматоха не касалась. За это время я более или менее пришла в себя и теперь уже выискивала возможность добраться до гримуара. Пока, правда, безуспешно.

Больше всего мне помогало то, что вампиры смотрели на меня как на пустое место. Они привыкли к тому, что периодически в ратуше им на глаза попадается некрасивая магичка в темном платье с белым передником и в белом чепце, и не обращали на меня внимания. Немаловажную роль здесь сыграла их абсолютная уверенность в том, что я лишилась своего собственного «я» и сейчас была лишь пустой оболочкой, беспрекословно выполняющей приказы. Они не пытались понизить голос в моем присутствии и вели себя совер-

шенно открыто. Я же старалась подмечать каждую мелочь, хотя проку от этого пока не было. Когда мне попадались на пути вампиры, обсуждавшие что-то, я опускала голову – широкие поля чепца частично скрывали мое лицо – и внимательно слушала, о чем шла речь. Поскольку мы находились в ратуше, я сталкивалась и с Дорианом, и с Адрианом Вереантерским, и с другими высшими. Пару раз даже видела Виктора. Разговоры велись на вампирском языке, и их смысл доходил до меня почти целиком. Я знала, когда точно состоится штурм, какие силы будут задействованы… Знала – и ничего не могла поделать. Не могла никого предупредить, и осознание этого грызло меня все больше и больше.

Были и другие трудности. Некоторые из них чисто бытовые – например, низшим вампирам достаточно спать шесть часов в сутки, и в последние дни я совершенно не высыпалась. Второй проблемой стал голод – кровь по понятным причинам я не пила, а предлагать мне человеческую пищу никто и не думал. Я нашла способ попадать на кухню и в кладовку – использовала несложное плетение, чтобы открывать и закрывать замки. Сейчас в ратуше жили только вампиры, и этими помещениями никто не пользовался. Там мне удавалось перехватить что-нибудь из оставшихся продуктов, но часто туда сбегать я не могла, поскольку боялась попасться кому-нибудь на глаза. Так что я перекусывала один раз в день, в лучшем случае – два. Конечно, с голоду я бы не умерла, но постоянный дискомфорт ощущался.

Но тяжелее всего мне пришлось в психологическом плане. Я видела, как за эти три дня гас огонек разума в глазах знахарок, видела, как они постепенно теряют себя. Разрушение их сознания протекало стремительно, они уже не помнили имен друг друга и своих собственных; на вопросы, не имеющие отношения к целительству, отвечали с большими запинками; перестали смотреть на вампиров с неприязнью, теперь на их лицах было лишь равнодушие. Они действительно не утратили своих целительских навыков, по крайней мере, лечебные отвары варили без ошибок и по памяти. Но в них не осталось ничего человеческого, ничего живого. Пару раз я встречала в коридоре градоначальника Ралена и видела, что с ним произошло то же самое, что и с остальными людьми. Он лишь скользнул по мне безразличным взглядом и пошел дальше.

Это было страшно. Несмотря на то что моя память не пострадала, я была охвачена подсознательным страхом сойти с ума. Оставаясь наедине с собой, начинала по очереди перебирать имена своих родных и знакомых мне придворных. Вспоминала даты рождения моих родственников, какие-то события из своей жизни, воссоздавая их практически по минутам. Я повторяла про себя заклинания и структуры плетений, восстановила разговор с Хель от первого до последнего слова. И все равно в некоторые моменты мне начинало казаться, будто я – уже не я. Со мной в эти дни никто не говорил, не считая Нарциссы, отдававшей приказы, даже не

глядя на меня. Никто не смотрел в мою сторону, словно меня просто не существовало. Конечно, это было мне только на руку, но все чаще я ловила себя на том, что неосознанно прошу Снотру, богиню разума, дать мне сил, и благодарю Хель за то, что спасла от смерти. Также я понимала, что надо ускорить поиски гримуара, поскольку не знала, надолго ли хватит у меня сил все это терпеть и ждать.

Впрочем, в день штурма я поняла, что мои предыдущие жалобы были глупы. Теперь мне стало еще тяжелее. Во-первых, весь день мои нервы были натянуты как струны из-за готовящейся атаки. В середине дня к нам стали поступать первые раненые. Тогда я впервые поняла, что мелкие ушибы и царапины, которые я залечивала раньше, – это не совсем то, чем мне предстояло заняться сейчас. Конечно, я знала достаточно плетений – в том числе и для лечения тяжелых ранений – но лишь в теории. Но, рассудив, что деваться все равно некуда, а практика мне тоже нужна, приступила к работе. Помещение постепенно наполнилось запахом крови, пота, грязи. Оказывая помощь первому раненому вампиру, – у него были жуткие ожоги на голове и на теле – я едва сдержала рвотный рефлекс. Со вторым было полегче, с третьим – еще легче… А у четвертого была глубокая рана в бедре, и, чтобы оказать помощь, мне пришлось раздеть его. К счастью, сам раненый находился без сознания и не видел ни отвращения, ни краски смущения на моем лице. Про себя я вновь возблагодарила чепец с широкими полями – часть одежды лекаря,

который закрывал все гримасы, появлявшиеся на моем лице в тот день. Несколько раз я с трудом удержалась от того, чтобы не упасть в обморок, когда к нам принесли вампиров с распоротыми животами и вываливающимися из них на всеобщее обозрение внутренностями. Я потеряла счет тем, кого спасла, мой фартук был целиком покрыт бурыми пятнами засохшей крови. Не знаю, сколько раз за этот день я повторила самой себе, что просто должна это сделать, чтобы не вызвать подозрений. За несколько часов тяжелой работы, когда ни разу не присела, я постепенно абстрагировалась от стонов, криков, жутких ран и лишь методично делала свое дело.

Мне претила мысль о спасении жизни врагов, но я отдавала себе отчет, что не смогла бы хладнокровно убить их, раненых и беспомощных. Просто не хватило бы духу.

Краем уха я слышала, как не очень тяжело раненые рассказывают Нарциссе о том, как проходил штурм. С удовлетворением я услышала, что взять Ормонд вампирам так и не удалось. Обороной руководил Оффали, и люди дали достойный отпор. С крепостных стен они поливали врага раскаленной смолой, стреляли по вампирам… Правда, нельзя было не признать, что долго так Ормонд продержаться не сможет, среди людей было сегодня много погибших. Еще одна или две атаки – и осаде конец. Плохо, очень плохо. Мне надо спешить.

Я занялась очередным раненым. У него глубоко в груди

засели две стрелы. Разрезав на вампире рубаху, я убрала лоскуты ткани и, крепко взявшись за древко, выдернула сначала одну стрелу, затем другую. Раненый дернулся и застонал – я не старалась действовать осторожно. Затем наполнила энергией обеззараживающее плетение и отправила его прямиком в раны. Формируя второе плетение – заживляющее, – я пропустила момент, когда ко мне подошла Нарцисса, и очнулась, услышав ее командирский голос:

– Привезли пленных. Закончишь с этим – возьми фляги со стола и отправляйся к ним в подвал.

– Зачем? – не поняла я. Мой голос прозвучал монотонно и равнодушно.

Она раздраженно ответила:

– Раненым нужна свежая кровь, причем человеческая! Пленные для этой цели вполне подойдут. Только не убивай никого. Скот следует поберечь.

Она отошла, не заметив, как я заледенела. Она только что велела мне перерезать вены ормондцам, чтобы получить кровь для вампиров?! По позвоночнику внезапно пробежал жуткий холод, а руки задрожали. Я не смогу! Одно дело – помогать раненым, и совсем другое – резать живых людей! И еще это высокомерно произнесенное «скот». Вот как вампиры относятся на самом деле к людям. Вся их вежливость – лишь шелуха, которая сползает при любом удобном случае. Мы для них – просто животные, и ничего больше. Как же это мерзко… Почему же Хель им покровительствует? Есть ли в

этой расе вообще хоть что-то хорошее?!

Вампир перестал стонать и замолк. Я была вынуждена подняться и пойти исполнять приказ. Не выполнить нельзя – низшие вампиры подчиняются высшим… На негнущихся деревянных ногах я подошла к столу, взяла несколько больших фляг с закручивающимися крышками и отправилась к лестнице, ведущей вниз. Каждый шаг давался мне с трудом, будто я шагала к эшафоту. Что же делать? Неужели я пойду на это? Сделаю все, что потребуется, чтобы не раскрыть себя? Но это же так… бесчеловечно, отвратительно, неправильно!

Вампиры, дежурившие в подземелье, пропустили меня без каких-либо вопросов. Взглянули на меня, узнали и молча посторонились. Пленные сидели в глубине подвала. Руки у всех были связаны. При виде этих окровавленных лиц меня снова замутило. Отвращение к самой себе затопило меня целиком. Один из солдат внезапно открыл глаза. Прищурившись в полутемном помещении, он разглядывал меня какое-то время, а потом коротко хохотнул:

– А, кровососка пришла! Проголодалась, что ли?

У меня волоски на руках встали дыбом. Надо покончить с этим как можно скорее, иначе я точно сорвусь. На одном дыхании выпалила заклинание, обездвижившее людей, поскольку я не была уверена, что кто-нибудь из них не набросится на меня, пусть и связанный. На лицах мужчин появилось беспокойство и недоумение. До боли сцепив зубы, я по-

дошла к одному из них, засучила ему рукав до локтя, достала захваченный из лазарета нож с узким лезвием и нанесла решительный удар по вене. По руке заструилась кровь, и я торопливо подставила горлышко фляги. Проделывая все это, я чувствовала себя приговоренной к смертной казни.

– Сука! Упырица! Шлюхина дочь!

Оскорбления посыпались от всех пленных, причем были и гораздо более грубые выражения. Я превратилась в один сплошной оголенный нерв, ненавидела себя за то, что делала, и ничего не могла изменить. Когда решила, что первому мужчине достаточно, я отпустила его руку, которую удерживала в нужном мне положении, и увидела на ней глубокие следы от собственных ногтей. Под нос пробормотала заживляющее заклинание, и с руки пропал порез и оставленные мной полукружия. Я перешла к следующему. Поток ругательств не стихал, и я была готова согласиться практически со всем услышанным. Глубоко внутри надеялась, что смогу снова абстрагироваться от происходящего, но ничего не получалось. Каждая деталь воспринималась очень отчетливо и навсегда врезáлась в память. Отвращение к самой себе затопило меня, я чувствовала себя грязной, испорченной, как будто изнасилованной морально.

Наполнив все фляги, поплелась обратно. Я очень надеялась, что на этом Нарцисса угомонится, поскольку мое терпение было на исходе. Боюсь, если она скажет еще хоть слово, я испепелю ее на месте. Хотя умом понимала, что этого

делать никак нельзя, мысль о корчащейся в языках пламени вампирше приносила мне какое-то облегчение.

Глава 7

Я вышла к небольшой полянке на самой границе с лесом. Пока передвигалась по лесу, дождь, начавшийся пятнадцать минут назад, практически не мешал мне. Вот и сейчас я не стала выходить на открытую местность, а осталась под защитой широких ветвей деревьев. Небо было серым и плотным, и ветер слегка раскачивал высокие темно-зеленые ели. На фоне этих елей отчетливо было видно, как летят вниз тяжелые капли дождя. Прислонившись к стволу дерева, какое-то время смотрела на них. Меня всегда завораживала красота природы, а дождь я особенно любила. Сейчас, впервые за столько времени оставшись одна, почувствовала, как начинает трещать ледяная корка невозмутимости, сковывавшая меня в последние дни. Все пережитое навалилось внезапно, стало трудно дышать. Медленно я сползла вниз на землю и разрыдалась.

Со штурма прошло два дня. Почти все вампиры, находившиеся в лазарете, за это время исцелились, и в правом крыле здания оставались только самые тяжелораненые. Я ежедневно использовала на них целительские плетения, следила за их состоянием. За это время успела убедиться в справедливости высказывания, что человек привыкает ко всему. Меня уже не мучили такие мелочи, как смущение, стыд или брезгливость, когда я ухаживала за ними; я просто выполня-

ла свою малоприятную работу. Целиком сосредоточившись на деле, запретила себе думать о происходящем и отгородилась от окружающего мира коконом равнодушия. Боюсь, без него я действительно сошла бы с ума.

Сегодня я обнаружила, что запас трав, из которых мы варили укрепляющий отвар, восстанавливающий силы, практически подошел к концу. Я сообщила об этом Нарциссе, и та лишь махнула рукой:

– Ну так отправляйся в лес и собери необходимое!

Большего мне и не требовалось. Захватив корзину, я покинула ратушу, а затем и пределы города. Вампиры у ворот пропустили меня без вопросов. Благодаря урокам Мариуса я разбиралась в целебных травах и представляла себе, в каком месте какое растение можно найти, поэтому сбор не вызвал у меня трудностей. Но и набрав полную корзину, я не спешила возвращаться. Мне было необходимо хоть недолго побыть одной, иначе я опасалась, что могу сорваться прямо на глазах толпы вампиров и все испортить.

Война и шпионаж оказались гораздо более неприятными вещами, чем мне казалось до приезда сюда. Теперь я могла только посмеяться над собственной самонадеянностью, когда думала, что легко смогу справиться с поставленной задачей. Снотра, как же я была глупа тогда! Да, может, я и не такая легкомысленная и наивная, как мои сестры. Я много путешествовала по Валенсии по разным делам – с проверками, по прошениям на имя короля и другим – и многое повидала:

бедность, голод, болезни, тяжелый крестьянский труд, лицемерие, жадность, эгоизм среди дворян – обо всем этом я знала не понаслышке. Я видела жизнь в разных слоях населения такой, какой она была в реальности, а не из окон дворца, и поэтому была уверена, что знаю о ней все. Сегодня я могла лишь посмеяться над своей самоуверенностью. Интересно, и как только отец и Мариус позволили мне отправиться в Ормонд? Должно быть, они были уже в полном отчаянии, раз согласились с моим безумным планом.

Последняя неделя перевернула мое представление о мире. Вся эта грязь, жестокость, цинизм, полное равнодушие к жизням других – как людей, так и вампиров – позволили мне понять, в каком чудесном иллюзорном мире я жила до сих пор. Все изменилось, и я даже не знала, буду ли когда-нибудь прежней. Сначала хладнокровное убийство больше сотни человек в пустом зале, собственная смерть, затем постоянное притворство, спасение жизней вампиров… Эти развороченные тела, оторванные конечности, жуткие раны, от которых обычный человек погиб бы… Крики боли, стоны раненых… А затем самое кошмарное – я резала живых людей, чтобы они истекали кровью…

Судорожные всхлипывания, вырвавшиеся из моей груди, напугали меня саму. Даже голод и недосыпание уже не казались проблемой. Про непочтительное обращение с принцессой крови я вообще молчу. Теперь это кажется такой ерундой! Все поблекло на фоне того, что я видела, и что мне при-

ходилось делать. И с каждым днем во мне все больше росла ненависть к вампирам. К их жестокости, пренебрежению к людям. Каждый день я пыталась выяснить что-то о гримуаре Виктора, который мог бы принести нам победу, и только мысли об этом помогали мне не сломаться и не бросить все. Желание воспользоваться порталом в камне, висевшем у меня на шее, становилось все сильнее и сильнее, но я не могла просто взять и вернуться во дворец. Возможно, потому что я теперь знала, на что способны вампиры во главе со своим повелителем, и просто не могла допустить, чтобы подобное продолжалось. А может, мне очень хотелось переиграть Адриана и не дать ему победить, в противном случае поражение Валенсии в войне я бы расценила как свое собственное.

Так вот в чем дело… Кажется, теперь я начинаю понимать. Эта война перестала быть для меня войной только Валенсии и Вереантера, она стала и моей собственной. Она задевала меня за живое, и лишь огромным усилием воли мне удавалось сохранять самообладание. Хотя внутри меня все кипело. Я не знаю, с кем конкретно я воевала – со всем Вереантером и вампирами или же только с Адрианом, которого я теперь воспринимала как своего самого главного врага. Я просто знаю, что не могу сдаться и сбежать домой. Больше не могу.

Помнится, в прошлый раз, когда так же ускользала в лес, я думала о словах Агаты и о своей матери. Это было каких-то восемь или девять дней назад, но теперь мне казалось, будто

с тех пор прошла целая жизнь.

Не знаю, сколько времени я просидела так под дождем – подавленная, измученная. Но, думаю, довольно долго. Когда слезы иссякли, я поднялась на ноги и еще некоторое время приводила себя в порядок. Заклинанием высушила и почистила платье, убрала с лица следы слез. «Как же мне повезло, – вдруг подумала я, – что я от рождения такая бледная». Будь моя кожа чуть посмуглее, как у моих сестер, мне никогда в жизни не удалось бы сойти за вампиршу и обвести врагов вокруг пальца. Впрочем, еще рано судить о том, что мне удалось, а что – нет. Я в любой момент могу разоблачить себя, так что лучше не подводить итоги раньше времени.

Когда я подошла к ратуше, дождь уже прекратился. Обувь и подол юбки были испачканы в грязи, и у входа в здание я задержалась, приводя их в порядок заклинанием. И почти сразу же поняла, что впервые за все это время боги ко мне благосклонны – я заметила в коридоре Адриана и Виктора, беседовавших между собой. Они оба увидели меня, обратили внимание на корзину с растениями и сразу же потеряли ко мне интерес. Как и раньше, никто из них не стал понижать голос, и я почти без проблем их слышала.

– В следующий раз я сам буду участвовать в штурме, – решительно говорил Виктор. Чтобы смотреть в лицо своему повелителю, ему приходилось задирать лицо – Адриан был выше его на голову. – А не наблюдать за происходящим с городских стен. Тогда мы добьемся успеха гораздо быстрее.

Архивампир склонил голову в знак согласия, а я про себя выругалась. Проклятье! Ормонд падет почти наверняка!

– Но у меня будет просьба, ваше величество, – продолжил маг. Его лоб озабоченно нахмурился.

– Говори, – кивнул Адриан. Без какой-либо величественности или надменности, которые он демонстрировал в общении с людьми или другими вампирами.

Я сделала вывод, что мага он по меньшей мере уважает, раз так с ним общается.

– Мои труды… – выдавил Виктор. – Я не могу брать их с собой в бой, а оставлять просто так в лаборатории не хочу.

Губы короля скривились в легкой усмешке:

– И кому же они могут понадобиться, Виктор? Разве что мне?

Маг ответил спокойно, без раболепства или оправдательных интонаций, хотя мне от улыбки архивампира стало не по себе:

– Нет, ваше величество. Но мне будет спокойнее, если дело всей моей жизни будет в сохранности.

Я молча удивилась, почему такой сильный маг не может использовать на гримуаре какую-нибудь мощную защиту, но затем сообразила, что Адриан – гораздо более могущественный маг и, следовательно, сможет защитить бумаги Виктора еще лучше.

– Хорошо, – согласился наконец Адриан, – надеюсь, Арлионовская защита тебя устроит?

Лицо Виктора дрогнуло, и он посмотрел на короля с недоверием и изумлением. Мне показалось, что он хотел о чем-то спросить, но вовремя спохватился и склонился в поклоне.

– Более чем, ваше величество, – заверил он.

Продолжения разговора я не слышала, поскольку повернула за угол и направилась к лазарету. Иначе мое долгое пребывание в коридоре выглядело бы слишком подозрительно. С одной стороны, мне стало легче на душе от того, что дело, кажется, наконец-то сдвинулось с мертвой точки, а с другой… Стало еще сложнее.

Вампирш в лазарете мое появление не слишком заинтересовало. Нарцисса и ее помощницы лишь взглянули в мою сторону и сразу вернулись к своим делам, в то время как местные знахарки даже голов не подняли, продолжая выполнять свою работу с лицами, полными тупого безразличия. Я в очередной раз поежилась, думая о том, какой участи избежала, и поставила корзину на пол. Сначала занялась своими привычными обязанностями – проверила состояние раненых, которых лечила. Одному из них сменила повязку на бедре, для другого использовала заживляющее заклинание на шее. Там была плохая рана – колотая, почти перерубившая сонную артерию. Привести в норму такое за один раз невозможно, нужно использовать лечебные плетения постепенно. Третьему я приращивала оторванную руку и проверила процесс восстановления. Приятно сознавать, что плетения Мариуса я запомнила верно – на практике они рабо-

тали именно так, как я выучила в теории. Было еще несколько раненых, которым нужна была именно моя помощь – магическая. Разобравшись с ними где-то за полчаса, вернулась к своей корзине и направилась с ней на кухню к столу. Но там я не сразу приступила к работе, а сначала задумалась о подслушанном разговоре.

Что такое Арлионовская защита, я не знала. Мариус никогда не упоминал о ней, да и в его книгах я не видела ничего подобного. Подозреваю, что это что-то очень мощное, раз под силу только архивампиру. Но у нас с Адрианом разные магические категории, и далеко не факт, смогу ли я эту защиту снять. И то только в том счастливом случае, если мне удастся подобраться к гримуару. А что делать дальше? Я задумчиво высыпала травы из корзины на стол и начала сортировать их по кучкам. Виктор сказал, что сейчас гримуар находится в его лаборатории. Я не знаю точно, где она расположена, но, допустим, мне удастся это выяснить. Предположим, я даже смогу туда попасть. Но сейчас Виктор не оставляет свои труды без присмотра, и что-то мне подсказывает, он не отдаст их мне, если я просто приду и попрошу. Можно, конечно, устроить схватку с ним… Но вряд ли это удачная затея. Во-первых, у него гораздо больше опыта в области магии, чем у меня, во-вторых, услышав шум, ему на помощь могут прибежать еще Адриан и Дориан… Их всех я не одолею, но зато точно разоблачу себя. Не вариант.

Значит, стоит дождаться, когда Адриан поместит книгу

под эту защиту, и все вампиры отправятся на штурм Ормонда. Тогда вместо трех сильных вампиров-магов мне будет противостоять только какая-то защита. Как у всякого заклинания, у нее должно быть слабое место, позволяющее нарушить структуру плетения. Когда структура будет нарушена, само плетение развеется за несколько секунд. Сложность в том, что у любого заклинания это слабое место еще надо найти – как подобрать отмычку к замку. Если выбрать неправильно, защита сработает. Не знаю, как конкретно, но, думаю, незадачливого воришку не ожидает ничего хорошего, раз подобную защиту может поставить только архивампир или архимаг.

Соответственно, я должна выяснить, в чем суть этого плетения. Как это сделаю, я уже знала. С этой частью плана не должно было возникнуть хлопот.

Перед тем как лечь спать в своем закутке, я сначала дождалась, пока Нарцисса и ее помощницы покинут лазарет. На ночное дежурство осталась одна из учениц знахарки, остальные женщины вскоре тоже покинули лечебницу. Убедившись, что в ближайшее время меня никто не потревожит, некоторое время я сидела на краю кровати с закрытыми глазами и сосредоточенно думала: «Арлионовская защита… Я должна узнать об Арлионовской защите…» Промедитировав так минут десять, я забралась под одеяло и откинулась на подушку. Что ж, будем надеяться, что моя способность по-

лучать нужную информацию во сне сработает и на этот раз. Об этом, кстати, не догадывается ни одна живая душа, и я не знаю, чем вообще можно объяснить подобный феномен.

Я не помнила, как заснула, просто в какой-то момент внезапно обнаружила себя стоящей в незнакомой комнате. Она была просторной, с большими окнами. На дворе, однако, сейчас царила ночь, и свет исходил только от светильников, в большом количестве расставленных вдоль столов с алхимическим оборудованием. Здесь были колбы, реторты, пробирки, горелки, какие-то еще емкости… В некоторых вовсю шли какие-то химические процессы – жидкости в них кипели и булькали. Кроме меня, в лаборатории находился еще один человек, целиком погруженный в работу. Держа в одной руке тетрадь с записями, сделанными от руки, другой он помешивал что-то стеклянной палочкой в реторте и с интересом к ней приглядывался. В какой-то момент он повернул голову в мою сторону, и я увидела, что это эльф, причем темный – острые уши и очень бледная кожа помогали легко его узнать. Длинные черные волосы были собраны в косу, а темные глаза не отрывались от раствора.

Этого эльфа я узнала. То есть мне не было известно ни его имя, ни кто он такой, но уже не в первый раз я переносилась во сне именно к нему. Единственное, что я о нем знала, – он очень сильный маг. Многие заклинания мне стали известны только благодаря ему, в частности, плетение, скрывавшее магический фон, которое я использовала на портале в ада-

мантии. Разумеется, Мариус был не в курсе моей осведомленности. Ведь как я смогла бы ему объяснить, откуда мне известно это заклинание? Приснилось во сне?

Как и раньше, эльф меня не заметил. Даже не просто не заметил – он в упор меня не видел, как бы я ни старалась привлечь его внимание. Я привыкла, что в этих снах всегда являюсь лишь сторонним наблюдателем и не принимаю участия в событиях. Могу лишь только смотреть и запоминать.

Внезапно эльф поднял голову и прислушался к чему-то. Я не заметила ничего подозрительного, но он вдруг издевательски вздохнул, отложил тетрадь и решительно направился к двери. Я поспешила следом за ним.

Эльф поднялся по лестнице и теперь размеренно шагал по длинному коридору. Его окутывала аура силы и уверенности в себе, он шел вперед как король. На его лице не было никаких эмоций, кроме легкой скуки.

Он направлялся к приоткрытой двери в конце коридора; я поняла это, когда до меня донеслось тихое подвывание оттуда. Эльф решительно толкнул дверь, и я торопливо зашла внутрь. В первую очередь обратила внимание на источник звука – это был молодой парнишка в углу комнаты, сидевший на полу и издававший жалобное поскуливание. Его лицо и одежда были в брызгах крови, но сам он выглядел невредимым. Пол по всей комнате усеивали какие-то тряпки и мусор. Тогда я перевела взгляд на второго мужчину, который выглядел старше своего спутника. Он стоял, но был белее

стены за его спиной. Впрочем, и стена тоже была забрызгана кровью, а у стола и вовсе красовалась огромная кровавая клякса от пола до потолка. Мужчина посмотрел на вошедшего эльфа с ужасом. Эльф же сначала взглянул на стол – хотя он стоял у стены, на нем следов крови не было – и на какие-то свертки, лежавшие там, а затем усмехнулся.

– Драмт, – задумчиво протянул он. – Неужели ты скатился до простого воровства?

Человек посерел, но ответил, стараясь сохранить остатки мужества:

– За твои изобретения хорошо заплатили.

– Видимо, твои друзья это оценили, – хмыкнул эльф. – Сколько вас было – трое, четверо?

– Трое, – выдавил вор.

Почему трое? Их же здесь всего двое! Я в ужасе прижала ладони ко рту. Так эти окровавленные тряпки на полу, брызги и пятна крови – все, что осталось от еще одного вора?! Его что, просто-напросто разорвало на части, когда он попытался что-то украсть? Значит, на этих свертках, лежащих на столе, стояла такая мощная защита, подобным образом реагирующая на чужое прикосновение? Человек взорвался?! Был человек – и больше нет?

– Что это за хрень? – сквозь зубы спросил вор. – Я ведь умею взламывать магические защиты, практически любые. Но с подобным я не сталкивался. Что это было?!

– Мое личное изобретение, – охотно ответил эльф. Он

неприятно улыбался, и от этой улыбки вся его привлекательность внезапно исчезла. – Эту защиту невозможно сломать – в ней нет блоков. Она привязана ко мне и действует до тех пор, пока жив я. Понял?

Вор не ответил, но его лицо утратило вообще какие бы то ни было краски. Он понял, что эльф не рассказал бы ему об этом, если бы собирался отпустить живым. Эльф же уже открыто оскалился, а затем его глаза внезапно полыхнули багрянцем – алые всполохи, которые были так хорошо мне знакомы, поскольку я многократно видела их у собственного отражения в зеркале. Что произошло дальше, я не видела, поскольку мир вокруг потемнел, и я поняла, что сон заканчивается. Но прежде чем проснуться, я успела услышать душераздирающий, полный нестерпимой боли крик умирающего вора.

Глава 8

Я не знаю, чем можно было бы объяснить мою способность легко получать нужные мне знания. Она была со мной всю жизнь, сколько я себя помню. Вещие сны и мои глаза, которые становятся алыми, когда я испытываю какие-то сильные чувства. Со временем я научилась контролировать свои эмоции, и мне удалось не шокировать никого из родных и знакомых светящимся взглядом. Сама же настолько привыкла как к краснеющим глазам, так и к своим необычным снам, что уже почти не считаю их странными. Хотя в детстве мне приходилось из-за них нелегко.

Мне было лет шесть или семь, когда я впервые увидела свои багряные глаза в зеркале. Это было вечером, я возвращалась в свою комнату, получив очередную выволочку от леди Алины. После ее унизительных замечаний мое лицо пылало, а по щекам струились слезы. Задыхаясь от обиды, я бежала по пустому коридору. Миновав зеркало, я остановилась – мне вдруг почудился какой-то красноватый отблеск. Вернулась на пару шагов назад и испуганно взглянула на свое отражение. Глаза полыхали багряным пламенем, и они вкупе с моим перекошенным лицом смотрелись кошмарно. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем мне удалось унять сердцебиение и дрожащие руки, и с невероятным облегчением я увидела, как пламя гаснет, и мои глаза возвращают-

ся к привычному зеленому цвету. Я стремглав помчалась в свою комнату.

Я была так напугана произошедшим, что не могла и двух слов связать, а потому не рассказала укладывавшей меня спать Агате. Та битый час причитала над моим растрепанным, полубезумным видом и только потом ушла к себе. Я же очень долго не могла заснуть, все ворочалась с боку на бок и наконец решила, что завтра расскажу обо всем Мариусу. Он маг и наверняка знает, что со мной произошло, и сможет помочь.

Той же ночью мне приснился первый сон. Я не говорю о тех мельтешащих, сменяющих друг друга картинках, которые снятся людям обычно, в том числе и мне. Нет, это был сон-видение.

Я очутилась у высоких стен за пределами города. Здесь собралась огромная толпа, причем соотношение людей и эльфов в ней было примерно одинаковым. Они все стояли и молчали; не было ни шума, ни разговоров, ни криков. Просто мрачное, угрюмое собрание, и тишина становилась все более и более зловещей.

Подъехала крытая повозка с круглой крышей, в которую была запряжена какая-то полудохлая кляча. Ее сопровождал отряд солдат. Глаза присутствующих обратились к новоприбывшим, которые проехали мимо толпы, и люди провожали их пристальными, злобными взглядами. Процессия остановилась, и только теперь я заметила разрытую землю непо-

далеку. Из фургона вышли двое, и их сразу же окружили стражники – высокую кудрявую светловолосую эльфийку с манерами и походкой королевы, лет тридцати на вид, и с ней – молодого стройного эльфа с не менее надменным видом. Я бы дала ему не больше двадцати лет. Пленники смотрели на собравшихся презрительно, свысока, а они продолжали молчать, но выглядели откровенно враждебно. Раздавались одинокие оскорбительные выкрики, но в целом толпа не приходила в буйство. На моих глазах двух эльфов под конвоем провели к вырытому ходу, и они спустились под землю. Несколько солдат тщательно затем забросали вход землей, и вскоре там осталась лишь ровная поверхность.

Затем картина изменилась. Я находилась в крошечной комнате без окон и дверей, и единственным источником света была лампадка на столе. Пребывание здесь не причиняло мне никаких неудобств, чего нельзя было сказать об эльфах, притулившихся на полу. Молодой эльф скрючился и царапал ногтями земляной пол, его лицо было искажено мукой. Эльфийка сидела, привалившись спиной к стене, она жадно хватала ртом воздух. Красивое аристократическое лицо сейчас покраснело, его свела судорога. Для меня – шестилетней девочки – эта картина была настолько жуткой, противоестественной, что я оцепенела от ужаса и могла только молча наблюдать за мучениями эльфов.

Они продлились еще долго. Пламя лампадки дрожало все сильнее и сильнее от нехватки кислорода. Хрипы эльфов

звучали все слабее и слабее, сами они постепенно совсем перестали двигаться. Наконец, когда задохнувшиеся окончательно затихли, я проснулась.

Я была вся покрыта ледяным потом. Некоторое время, сидя в кровати, я глубоко дышала ртом, пока не убедилась, что никто не запирал меня в подземной тюрьме, я не задыхаюсь, а нахожусь во дворце. Мои руки тряслись, а зубы громко клацали друг о друга. Заснуть снова той ночью мне так и не удалось.

Сон был настолько реалистичный и настолько жуткий, что весь следующий день прошел для меня как в тумане. Рассеянно отвечала на вопросы и никак не реагировала на слова мачехи. Я восприняла увиденное как некое предупреждение и никому ни о чем не рассказала. Мой язык словно присох к небу. Каким-то образом я поняла, что стоит молчать как о сне, так и о красных глазах. С того дня я начала заботиться о сохранении своей тайны и точно знала, что никто не должен о ней узнать. Я не могла объяснить – почему. Просто знала. Со временем я услышала о таком виде смертной казни как погребение заживо. Мне стало известно, что люди в таких случаях погибают не от голода и жажды, а гораздо раньше от нехватки воздуха. Тогда я впервые поняла, чему именно я стала свидетелем, и ужас, охватывающий меня, стал еще явственнее.

Взрослея, я научилась пользоваться этими снами. Не зная природы этих снов, я относилась к ним как к проявлени-

ям моей интуиции. Периодически они снились мне сами, без предупреждения; периодически мне было нужно что-то узнать, и тогда мое сознание приходило на помощь, и сны являлись как по заказу. Я переносилась в разные места, видела всяких людей, многие события, но почти всегда главными действующими лицами моих снов были эльфы с краснеющими глазами. Но кошмар о медленной казни двух эльфов снился мне достаточно часто – в детстве он потряс меня своей жестокостью и никогда не позволял забыть о себе. Каждый раз, видя его, я понимала, что это сон, что это все не по-настоящему, но ничего не могла поделать. Каждый раз я видела его как впервые и каждый раз просыпалась с криком ужаса.

На следующий день я была очень задумчива и свои лазаретские обязанности выполняла машинально. Оказав помощь раненым, сменив повязки и обновив лечебные плетения, я отправилась на кухню варить укрепляющий отвар. Кроме меня, здесь больше никого не было, и моя погруженность в себя никому не бросалась в глаза.

Учитывая, что сны никогда меня не обманывали, можно предположить, что Арлионовская защита и защита, о которой говорил эльф в моем сне, – по сути одно и то же. Получается, взломать Арлионовскую защиту не получится – я поежилась, вспомнив о разорванном на куски воре. Эльф сказал, что она строится не на блоках, а на привязке к жизни поставившего ее мага. Взломать ее извне не удастся, пока жив

маг – стоит и защита.

В этот момент у меня дрогнула рука, в которой в тот момент была склянка с настоем мяты, который я должна была добавить в отвар. Жидкость выплеснулась через край, и пламя в очаге недовольно зашипело. Я же обдумывала вывод, который внезапно пришел мне в голову. Если Арлионовская защита действует, пока жив маг, значит, она перестает действовать, когда маг умирает, правильно? Следовательно, чтобы получить записи Виктора, которые будут находиться под этой защитой, мне придется убить мага, который ее поставил. Иными словами… архивампира?

Честно говоря, это было не совсем то, на что я рассчитывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.